

фантастическая
история

Александр Сапаров

Царев врач, или Когда скальпель сильнее клинка

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Пластический хирург, успешный и богатый человек, холостяк, привыкший думать только о себе и своих желаниях, попадает в другое время, и внезапно для него меняется абсолютно все. Его сознание неведомым образом переносится на четыреста лет назад и вселяется в подростка, живущего с бабушкой-травницей в землянке вдали от людей. Но дух нашего современника заставляет его выбраться из лесной глуши и, используя новые знания, подниматься к вершинам власти.

Александр Сапаров

Царев врач, или Когда скальпель сильнее клинка

* * *

Мне снился сон: я на рыбалке сидел в лодке, которую качали большие волны — так, что меня даже подбрасывало на сиденье. И вдруг огромная волна перекатила через борт и облила меня холодной водой. Это было так реально, что я проснулся.

В полутемной комнатке стояла духота, пахло землей, я лежал на каких-то мокрых шкурах, а около меня стояла баба-яга с деревянным ковшиком в руках.

— Данька! — орала она хриплым басом. — Хватит придурничать, давай вставай, я ведь вижу, что притворяешься.

— Простите, а вы кто и как я здесь оказался? — пытаюсь сохранить присутствие духа, спросил я.

— Да ты опять за свои проказы! — Бабка схватила веник, стоявший в углу, и начала бить меня по худым тощим ногам.

— Что за ерунда. — Я вскочил с постели и начал убегать от сумасшедшей старухи, одновременно разглядывая себя.

Действительно, мои ноги оказались тощими, собственно, как и руки. И говорил я с бабушкой каким-то писклявым голоском.

Пара минут бега от веника по тесной комнатке, заставленной всевозможной утварью, привела меня в себя, и я завопил:

— Все, все, бабушка, я проснулся, сон мне плохой приснился.

— Сон, говоришь? — Бабка опустила веник. — Ну, расскажи.

Я начал рассказывать сон про рыбалку, одновременно пытаюсь получше разглядеть себя и окружающую обстановку. Мы находились в землянке, которая представляла собой выкопанную в земле яму. Потолком служили толстые горбатые суки, на которые были набросаны шкуры. В одной из шкур виднелось небольшое отверстие, в которое струился дневной свет. На сучках висели пучки сушеных трав, от которых шел пряный аромат.

Бабка внимательно слушала мой рассказ.

— Чудны дела твои, Господи, — прокомментировала она. — Ты ведь, Данька, здесь, в лесу, вырос и воды, кроме нашей речушки, не видел и лодки тоже. Как же тебе сон такой приснился? А какая лодка-то была?

Отвечая на бабкины вопросы, я потихоньку приходил в себя. Хотя, наверное, несколько минут назад мог сойти с ума.

Действительно, заснуть у себя дома в уютной кровати, в роскошной спальне, которую может себе позволить пластический хирург, успешный и достаточно известный, — и проснуться непонятно где да еще непонятно кем. Похоже, я находился не в своем теле, а в теле подростка, не отличавшегося хорошим физическим развитием.

Содержание прочитанных книжек про попаданцев мгновенно всплыло в голове.

«Так что? Еще и в прошлое, наверное, провалился?» — обреченно подумал я.

— Ох, непростой сон тебе приснился, Данюшка, — снова заговорила старуха. — Что-то случиться вскоре должно.

«Случиться? Уже случилось! Я здесь очутился!» — почти в рифму подумал я.

— Бабушка, что-то мне действительно нехорошо, беспамятство какое-то приключилось, вот кажется, что забыл я все — кто есть кто и откуда, и даже кто такая ты, тоже забыл.

— Ох, грехи наши тяжкие! — запричитала бабка. — Что же, милый, с тобой случилось, лихоманка какая одолела? Я твоя бабка Марфа, неужто забыл? Мы с тобой здесь который год вдвоем горе мыкаем.

— Бабушка, ты только не серчай, я сейчас оденусь, а ты мне расскажи побольше, может, голова прояснится и дальше я все сам вспомню.

Я попытался одеться, кое-как натянул драные штаны, затем обернул ноги портянками, лежавшими у топчана, и надел лапти.

Бабка, рассказывавшая мне, кто есть кто и откуда, изумленно расширила глаза, когда поняла, что я забыл, как надевать лапти.

— Ох, Данька, полежать тебе надо. Наверно, ты вчера перекупался да на солнце нажарился, вот тебя и стукнуло.

— Нет, бабушка, лежать я не буду, а ты давай рассказывай, что там дальше.

Из бабкиных слов я узнал, что мне пятнадцать лет, что три года назад все село, где я жил, вымерло от моровой язвы, бабка Марфа осталась жива только потому, что ютилась на отшибе, в землянке, она была знахаркой, и общество не желало видеть ее в деревне. А когда началась болезнь, бабка и вовсе закрылась, окуривала землянку хвойным дымом два раза в день, а с больными, приходящими к ней, общалась через закрытую дверь. Она знала: в деревне поговаривали, что ее надо сжечь вместе с землянкой, якобы она была виновата во всех смертях, и спасло ее только то, что болезнь распространялась очень быстро: на следующий день уже некому было идти жечь старухину землянку. Когда же через несколько дней бабка Марфа пришла в деревню, живых там не было. Но когда она зашла в наш дом, увидела, что на печке кто-то шевелится. Это был я. Каким-то чудом я выжил, и бабка, усмотрев в этом божественное Провидение, перетащила меня на волокуше к себе домой.

Глядя на бабулю, широкоплечую, ростом, наверное, около метра восьмидесяти, я не сомневался, что она меня могла дотащить, она бы и взрослого мужика сдюжила.

Какой год на дворе, бабка не знала, но сообщила, что правит ныне царь Иван Васильевич. Я никогда не был знатоком истории, но предположил про себя, что это, может быть, Иван Грозный.

— Данька! — вдруг закричала бабка. — Дак ты ведь, олух царя небесного, наверно, забыл все, чему я тебя учила.

— А чему ты меня учила, бабушка?

Но бабка, сев на чурку, стоявшую вместо стула, уже горестно захлюпала носом:

— Вот ведь напасть какая, учила бестолковщину, учила, и все прахом пошло, забыл все! Видать, когда купался, башкой о камни треснулся, а мне не сказал! А я думала, что с этого году хоть плохонький, а помощник у меня будет!

— Бабушка, так ты объясни хоть, чему меня учила?

— Да травам, травам учила тебя, дурака!

— Тогда не убивайся так, про травы я все помню.

А как про них не помнить? Когда я учился, в нашей стране была мода на траволечение, не обошла она стороной и мой вуз. Тогда мы искали книги, справочники, методы сбора трав и особенности их использования. Любовь к травам осталась у меня на всю жизнь. Конечно, этот метод играл вспомогательную роль в моей дальнейшей практике. Но я про него никогда не забывал и старался пополнять свой багаж знаниями о новых растениях, особенностях их хранения и применения.

Бабка вскочила с чурки и, схватив несколько пучков трав, начала спрашивать:

— Это что? А это когда надо собирать? А как сушить, как заваривать? А когда и сколько принимать?

С каждым ответом у моей бабушки Марфы брови поднимались все выше.

— Даниил... — торжественным тоном возвестила она. — Я поняла, почему ты все забыл. Господь дал тебе знания по траволечению, а взамен забрал все, что ты помнил до этого. Я ведь половины не поняла из того, что ты говорил, да и травы называл, как отец Василий, который меня в молодости наставлял. А ведь не знал ты ничего этого! О-хо-хо, мыслимо ли такое, теперь этот отрок больше своей старой бабки знает! — вскрикнула баба Марфа в полном восторге. — Данилка, давай приберемся здесь, вскоре уже люди начнут приходить.

Мы вдвоем быстро навели порядок, поставили на места все, что я свалил во время своего бега, затем уселись за стол и приступили к трапезе, которая состояла из блинов, испеченных из ржаной муки на большой плоской железяке над очагом, и взвара из сушеных яблок и слив. Когда я ел этот немудреный завтрак, понял, почему Данила такой худой — парню в таком возрасте надо питаться получше. Мне, честно говоря, эта еда не лезла в рот, но молодое тело просило еще и еще.

После завтрака я выбрался на поверхность и осмотрел место, в котором мне предстояло жить. Землянка была выкопана прямо на высоком берегу маленькой речушки, на которой виднелась запруда из камней. Наверное, сам Данила и сделал ее, чтобы можно было поплавать в речке, так как воды в ней было по колено. На другой стороне речушки простиралось огромное моховое болото. А на нашей шумел светлый сосновый бор, в который прямо от землянки убегала узенькая тропка.

«Неплохое место выбрала старая, — подумал я. — Летом здесь благодать, а вот как зимой тут жить? Ужас один».

Пока я осматривался, на тропке появились две девчонки в длинных до земли сарафанах, закутанные в платки так, что открытыми оставались только глаза.

— Данька! — издали закричали они. — Мы к тебе идем купаться, мамка нас за ягодами отправила, вот посмотри, сколько мы насобирали! В малине оводы такие кусачие, под сарафанами все чешется.

И девчонки тут же, рядом со мной, скинули все свои тряпки и с визгом бросились в прохладную воду. Действительно, оводы покусали их прилично, все ноги и ягодицы были в волдырях.

Девчонки прыгали, визжали, плескались и звали меня.

На шум появилась бабка Марфа, при свете дня она оказалась страшней, чем в землянке. Зубов у нее не было, кроме одного нижнего клыка, который вылезал поверх губы, лицо сморщенное, как печеное яблоко.

Бабка с удивлением уставилась на меня:

— Данька, а ты что не купаешься? Тебя же еще вчера от девок этих было не оттащить! Да уж, крепко тебе память-то отшибло!

— Да, бабушка, мне что-то не хочется в воду лезть, холодно еще, вот попозже можно и окунуться.

— Ну, смотри, дело твое. — И она, повернувшись к девчонкам, заорала: — Я сколько раз вам говорила, охальницы, не трясите грудями перед парнем, за этим сюда ходите? Вот уж розгами задницы голые разукрашу!

Я смотрел на девчонок, которые после бабкиного крика вылезли из воды, стали торопливо одеваться, и чувствовал, как на это реагирует молодое тело. Еще вчера такие девчонки с только намечающимися очертаниями груди не привлекли бы моего внимания — внимания хирурга, который каждый день видел столько женщин, что иногда ему не хотелось смотреть на них совсем. Но сейчас мой организм реагировал на голые тела совершенно правильно и не спрашивал разрешения у разума.

Девчонки, подобрав свои корзинки, убежали, а бабушка пошла на огород, в котором у нее росли не овощи, а лечебные травы. Присев на землю, она стала пропалывать сорняки. Ее пальцы были искривлены и черны от грязи, въевшейся в кожу намертво. Глянув на меня, бабка проворчала:

— Уже и сама забыла, что ты ничего не помнишь. Давай-ка живо в лес за хворостом, чтобы на несколько дней наносил. Веревка у дверей висит, а топор вот там воткнут.

Я взял веревку, топор и направился в лес. Валежника вокруг землянки практически не было. Видно, Марфа давно сожгла всю мелочовку. Мне пришлось идти дальше. Когда прошел где-то с полкилометра, валежника прибавилось. Я стал рубить сосновые сучья, стараясь делать так, чтобы они получались одной длины — легче будет нести. Монотонная работа не отвлекала, и я погрузился в размышления о своем будущем. Каким образом я попал сюда, трудно было даже вообразить. Наверное, это был путь, не предусматривавший возвращения. Но прожить всю жизнь в землянке? Нет, это меня нисколько не привлекало. Тогда что же делать?

Я даже не знал, крепостные мы или свободные люди. У Марфы я еще об этом не спрашивал, и к тому же понимал, что в такие времена простому человеку расстаться с жизнью и свободой очень легко.

Сейчас мне всего пятнадцать, хотя в эту суровую эпоху люди взрослеют быстрее, и, может, живи я в деревне, был бы уже женат и делал первых детей.

Знания, которыми я владел, сейчас практически были неприменимы, у меня не имелось ни лекарств, ни инструментов, не говоря уже об аппаратуре. Так что, если я хотел неплохо устроиться в жизни, требовалось стать известным лекарем, но без всего вышеперечисленного это было затруднительно. Из того, что я помнил про времена Грозного, выходило, что в Москве в те годы знать в основном лечили иностранцы, местных врачей просто не было. Имелись разные знахари, одни типа моей бабушки, другие более известные, но все они не были особо уважаемы и полностью зависели от своих нанимателей. Итак, давай-ка ты, новый Даниил, сын Прохора-кузнеца, приступай к лечению местного люда, взрослей и потихоньку начинай приобретать полезные знакомства, чтобы потихоньку вылезти из леса сначала в небольшой городишко, ну а затем, чем черт не шутит, может, и в Москву...

...Пока я рубил и таскал валежник, прошло часа три, и на тропинке показалась первая клиентка. Закутанная в платок, так же как и пришедшие до этого девчонки, она тенью

проскользнула в землянку, откуда сразу послышался громкий голос моей бабушки:

— Манька, ты бы еще позже пришла, вишь, как у тебя щеку раздуло, теперича мазь придется класть на дегте березовом, вонять будешь, как тележное колесо. На вот тебе туесочек с мазилкой, каждый день мажь больное место и тряпкой холщовой перевязывай. С молитвой о здравии все делай, и пройдет твой чирей. Так, а что ты мне тут принесла? Ага, пироги, это хорошо. С чем пироги-то, со щавелем? Ты в следующий раз знай, лучше пироги с творогом носи.

Что говорила Манька, я не слышал, потому что говорила она гораздо тише, чем Марфа.

«Вот так, — подумал я. — Настоящие безденежные отношения, что могут, то и несут. Здесь не разбогатеешь».

Закончив таскать хворост, пока ошивался около речки, нарубил ивовых прутьев для плетения морды, сложил для пробы небольшой лабиринт из камней на песчаной отмели — в надежде, что какая-нибудь дурная рыбина зайдет туда.

До ночи пришло еще три пациента, все женщины, видимо, мужчины побаивались ходить к страшной бабке. Ужин у нас оказался не в пример лучше завтрака (обеда не было вовсе) — вареная требуха и целый каравай черного хлеба, половину которого мы с бабкой смолотили в пятнадцать минут, причем она с единственным зубом ела, пожалуй, быстрее меня. Легли мы, как стемнело. Старуха через пару минут уже храпела, я же ворочался на узком топчане: блохи кусались, как сволочи, хорошо хоть, что не было клопов. Засыпал я с тайной надеждой, что все это сон, и проснусь я снова в своей уютной квартирке в элитном районе Москвы.

Увы, в квартирке я не проснулся, разбудил меня мочевого пузыря. Я в полутьме выбрался наверх. Багровое солнце висело над горизонтом, утро было туманное и сырое. Ежась от холода, зажурчал струйкой по траве и, сделав свои дела, быстро нырнул вниз. Нет, конкретно, мне не нравилось место обитания. Даже не мог представить, что буду жить в землянке зимой, мне казалось, что я умру и не вынесу постоянного пребывания короткими зимними днями в этих тесноте и вони. Как-то данную проблему требовалось решить. Но пока я вновь улегся на топчан и попытался заснуть, что мне вполне удалось. Второй раз меня разбудила бабушка. В дальнем углу уже топились очажок, над ним на палке висел небольшой клепаный котелок, в котором варилась какая-то бурда.

— Данька, вставай, счастье свое проспишь, — бурчала бабушка. — Ну, может, чего вспомнил или приснилось снова что-нибудь.

— Нет, бабуля, ничего я не вспомнил, и снов не видел. Так что, давай, дальше рассказывай, где мы вообще находимся, далеко ли деревня, и почему ты в землянке живешь.

Не переставая делать свои дела, бабка рассказывала мне все по порядку.

Жили мы, оказывается, недалеко от Новгорода, до него надо было пешим ходом добираться неделю. Село же находилось совсем рядом — за сосновым бором, где стояло полтора десятка дворов. Сами крестьяне были свободными, про крепостное право бабка ничего не знала. Шесть лет назад сельцо после мора практически опустело, а раньше насчитывалось почти пятьдесят дворов. Но потихоньку народу прибывало. Все-таки здесь спокойней, чем в других местах. И сейчас жило в селе около сотни человек. Поэтому желающих лечиться у бабки насчитывалось немного, и существовали мы впроголодь. Как я понял из ее рассказа, личность прежнего владельца тела особым умом не блистала, и теперь бабушка поражалась, как я все сразу схватываю.

— Данила, да ты поумнел за один день, все забыл и поумнел! Вот ведь Господь чудо сотворил. А молитвы ты хоть помнишь? Вчера ведь даже перед едой не прочитал, я уж

думала, не буду убогого ругать, но сегодня чтобы выучил все, перед иконой поклоны отобьешь и у Божьей Матери, заступницы нашей, прощения попросишь.

— Бабушка, так я и не против, только подскажи мне молитвы, я быстро запомню. А пока давай, рассказывай дальше, чего еще вокруг интересного есть, почему мы все еще в землянке живем, ведь родительский дом у нас имеется.

— Так, Данюшка, в доме твой дядька с материной стороны живет, дом-то у вас был один в селе — пятистенки, вот год с мора прошел, дядька и поселился. А меня по-прежнему туда не пускают, говорят, ты одна с внуком живая осталась, так мор дело твоих рук. Хорошо хоть, что новый староста ногами мается и у меня снадобья берет, так и не трогают пока.

Так за разговорами утро прошло, после чего я пошел посмотреть, как сработал мой лабиринт. Оказалось, что неплохо: в его узком конце засели две небольшие щучки, которых я торжественно принес в землянку.

Бабка была в недоумении.

— Да когда же ты научился, ведь до сего дня ты ни рыбки не поймал.

— Ну, когда-то надо и рыбу научиться ловить, — ответил я и пошел плести морду.

Плел я ее по памяти, прутья расплетались, долго у меня не получалось вообще ничего, но к полудню передо мной лежала моя первая ловушка для рыбы, наверное, эта жуткая плетенка мало походила на произведение мастера, но меня интересовал только один вопрос: станет ли в нее ловиться рыба. Я затолкал морду под берег, где было немного глубже, и понадеялся, что в нее зайдет какая-нибудь глупая рыбешка.

Марфа с интересом наблюдала за мной, ей, похоже, была по нраву моя активность, бабка уже не охала и не спрашивала, откуда я все это узнал.

Я поставил ловушку и снова полез в землянку, мне хотелось выяснить, можно ли ее каким-то образом улучшить, по крайней мере, если придется зимовать, хотелось жить в более или менее приличных условиях.

Землянку выкопали в суглинистом грунте, и стенки ее практически не осыпались, со слов бабушки, весной ее не заливало, значит, берег был достаточно дренирован. Я спросил бабку, есть ли у нее какие-нибудь инструменты. На что она хитро заулыбалась и сказала:

— Ты что думаешь, я же первая в деревне после мора была, и все, что нашлось хорошего у кузнеца, сына моего, сюда перетащила.

И она, кряхтя, сдвинула с места стол, под которым виднелась крышка небольшого люка, сбита из грубо отесанных досок, я попытался поднять ее за кожаную петлю, но не смог даже пошевелить.

— Ну-ка отойди, внучок, — сказала бабушка и одной рукой легко подняла крышку.

В небольшом углублении лежали замотанные в тряпки железяки. Сбросив тряпки, я увидел кованую пилу, сверло и два плотницких топора.

— А лопаты железной у тебя нет случайно? — спросил я.

— Так ты дальше-то смотри, — пробурчала бабушка.

И действительно, ниже лежала лопата, она почти ничем не напоминала те, к которым привык, но все же это была лопата и ею можно было копать.

— Бабушка, ведь скоро уже осень, а потом зима. Может, нам, пока время есть, выкопать землянку побольше и крышу переделать? Вот смотри, я тебе покажу как.

И я угольком нарисовал на столе чертеж землянки с накатом из двух рядов бревен.

— Мы в такой землянке зимой мерзнуть не будем, в ней можно дырку сделать для трубы

с задвижкой, чтобы дым вытягивало.

— Ну ты, Даня, придумал, у меня и в голове такого не было. А бревен-то сколько надо пилить?

— Так я сейчас измерю, все посчитаю и примерно скажу.

Бабушка смотрела на меня, открыв рот.

— Данька, ты цифирь знаешь?!

— Знаю, бабушка, наверно, Господь вразумил.

— Так, может, он тебя и читать вразумил? На-кася, попробуй. — И она бухнула на стол толстенную, потемневшую от старости книгу в деревянном переплете, застегнутом на крючок.

Когда я снял крючок и открыл книгу, увидел, что на первой пергаментной странице старым церковнославянским письмом написано: «Травник».

— Так тут вроде «Травник» написано, бабушка, а дальше я не разберу.

Бабка смотрела на меня, вытирая слезы:

— Сподобилась чудо великое в конце жизни увидеть, убогий цифирь сам собой изучил и грамоту одолел. Слава тебе, Господи, я ведь думала, умру и оставлю сироту неприкаянную, будет юродивым ходить по людям.

— Не плачь, бабуля, все хорошо, — сказал я и стал думать, чем точить пилу.

Пациентов сегодня не было, не было и хлеба, но зато у нас имелись две сваренные щуки и фруктовый взвар. А я рассчитывал, что рыба продолжит в мои ловушки заходить.

Следующий день начался с работы, хоть я умел считать и читать, но в дереве не понимал ничего. И вместе с бабушкой ходил и размечал, какие деревья будем пилить. Свалили мы несколько сосен и распилили их на бревна метра по четыре длиной. Я точно помнил длину моей прежней ладони — двадцать сантиметров, теперешняя казалась практически такой же, так что я быстро сделал себе мерную палку примерно на четыре метра. Больше мы в этот день не работали. Я сходил, проверил морду, там кроме двух десятков плотиц оказалось еще несколько раков, которых я тоже прихватил, жалея, что нет пива, с которым этих гигантов прошлого можно было бы употребить. У бабушки в небольшом горшочке имелись остатки то ли барсучьего, то ли медвежьего жира, который она держала для приготовления мазей, и на нем эти плотвички были пожарены — не очень вкусно, но зато питательно.

После обеда к нам привели мужика с жутко распухшей рукой, при взгляде на которую мне сразу стало все ясно — флегмона. Бабушка начала свою песню про деготь, но здесь надо было проводить более радикальное лечение.

— Бабушка, здесь резать надо, — прошептал я ей на ухо.

— Молчи, дурень, сама знаю, — так же тихо ответила она. — Боюсь я, давно не делала, руки дрожат.

— Так давай я разрез сделаю.

Бабка долгим взглядом посмотрела на меня и согласно кивнула.

— Слышь, Фаддей, надо руку резать, иначе или помрешь, или совсем отрезать придется, — сказала она.

— Ну чего там, давайте, режьте, — промычал уже не очень хорошо соображавший из-за интоксикации мужик.

Бабушка откуда-то достала острый ножик с рукояткой из оленьего рога, которого до сих пор я у нее не видел — нож был острый как бритва. Я протер руку Фаддея тряпицей, нож

провел над пламенем очага. Второй рукой мужик схватился за стол, крупные капли пота выступили у него на лбу, он зажмурил глаза, а я быстрым движением разрезал ему предплечье. Из открывшейся раны потекла кровь, смешанная с дурно пахнущим гноем. Бабушка ловким движением вставила в рану тряпку, смоченную в солевом растворе. После чего сверху положила сфагнум, обмотала еще одной тряпкой и снова полила сверху теплой соленой водой из горшка. Фаддей расслабился, шумно выдохнул и осел на чурке.

Но пока мы разговаривали с его сыновьями и объясняли, что надо делать, он уже пришел в себя и ожившими глазами осматривался вокруг.

— Так мне что, Данька руку резал? Ну, Марфа, хорошего себе помощника вырастила, я ведь даже испугаться не успел, а уже все. Ты уж извини, нечем вас сейчас отблагодарить, завтра вот пришлю Прова, он полмешка ржаной муки принесет нынешнего помола.

— Так ты что же, Фаддей, думаешь, что все уже? Тебе надо будет еще не раз к нам прийти, так что завтра чтобы сам тоже был здесь.

— Да ладно, Марфа, не мельтеши, а то от твоего баса голова гудит, приду я, обещаю. А чего это у вас тут бревна заготовлены, никак избу ставить будешь?

— Да нет, Фаддей, вот внук подбил меня, старую, землянку переделать, пошире соорудить да посуше и крышу потолще, чтобы зимой не мерзнуть.

— Вот оно что... Ну смотри, если у меня все хорошо будет, я сынов вам на пару дней в помощь отправлю, все быстрее дело сделаете.

— Спасибо, Фаддей, на добром слове, а сейчас можешь идти, на сегодня лечение закончили.

Когда мужики ушли, бабушка села на свой топчан и долго смотрела на меня.

— Я уж не знаю, от Господа или от лукавого у тебя умения проснулись, но давай помолимся Богородице, чтобы защитила нас перед Господом, — и, встав рядом, без труда пригнула хилого меня к земле перед иконой Божьей Матери.

Меня всерьез волновала моя физическая немочь, видимо, хроническое недоедание и проживание в темной сырой землянке изрядно подорвали здоровье моего нынешнего тела. Надо было что-то делать. Поэтому на следующее утро под недоумевающим взглядом бабушки я вылетел на улицу и побежал по тропке в сторону села. Не добежав до первых домов метров триста, повернул назад, прибежав к землянке, сделал обычный комплекс упражнений и пошел на речку умываться.

— Ох, Данька, и выдумщик ты, что опять у тебя стряслось? Бегаешь, как осами покусанный.

— Да ничего не стряслось, покрепче мне надо стать, бабушка, а то вон ты, хоть и старая, а сильнее меня.

— Данька, не смей ты меня. Да здесь сильнее, чем я, до сих пор никого нет. Я по молодости коня на спине носила, — с гордостью сказала бабка Марфа. — Сейчас, конечно, не унесу, но уж козу там или барана запросто. Я твоего дедку почему выбрала, он один меня на кулачках побил. Вот, посмотри. — И она показала перебитую ушную раковину. — Видишь, как мне заехал в ухо, аж поломал все. Не знаю, почему ты худоба такая? Твой отец кузнецом был, тоже хмельной лошадь на плечах носил. Ну, раз думаешь, что от рукомашества и дрыгоножества силы прибавится, то давай маши, может, чего и получится.

Моя первая морда, пролежав в воде несколько дней, развалилась, но вторая получилась намного лучше, и по крайней мере рыбой мы с бабушкой были обеспечены. Поэтому можно

было целиком посвятить себя стройке. Бревна напилили и на катках притащили к месту постройки. Я, чтобы сильно не мучиться, решил: землянку будем делать односкатную. Пришедшие утром два здоровенных лба, сыновья Фаддея, в момент разметали хилую крышу, сделанную когда-то Марфой, весь скарб вынесли, и мы вчетвером, взявшись за лопаты, расширили котлован почти в два раза. Переночевали с Марфой у костра, а на следующий день приступили к укреплению стенок кольями, переложенными тонкими жердями. После чего соорудили из толстых бревен каркас, на который вплотную уложили тонкий накатник и сверху закидали его лапником. Фаддеевские парни оказались неплохими плотниками и показали мне, как сделать доски, расщепляя бревна железными клиньями, а потом получившиеся пластины выровнять топором. Таким образом, у нас появились доски для дверей. К вечеру мы с бабушкой опять переехали в землянку, которая стала почти в два раза больше. Потолок пах смолой и хвоей. А тамбур с двумя дверями берег нас от ночного холода.

На следующий день мы уже вдвоем продолжили работу, в выкопанной в земле яме размешивали глиняный раствор и заливали им крышу, покрытую еловыми ветками. Работа была очень утомительной, и я после обеда уже еле таскал ноги, но все же к вечеру всю крышу покрыли слоем раствора и таким же раствором сделали отмостку вокруг землянки, так что дождь уже был нам не страшен.

Теперь оставалось только закрыть всю эту красоту дерном, и мы будем готовы к зимовке. В продушину в потолке вставили деревянную трубу с задвижкой, также сколоченную из тесаных досок — для вентиляции и топки очага, который выложили из речных камней. Когда я спросил бабушку, как мы раньше заготавливали дрова, она сказала, что зимой каждый день ходили с санками за хворостом. Меня такая перспектива абсолютно не устраивала, а так как до зимы было еще далеко, мы начали пилить и колоть дрова, а потом складывать их под навес, сделанный из жердей и лапника.

После удачной операции Фаддей быстро поправлялся, и в селе заговорили о «легкой» руке кузнеца сына. В отличие от моей бабушки меня почему-то никто не боялся, когда я заходил в деревню, встречали приветливо, никто не держал фигу и не сплевывал мне вслед, как это обычно случалось с бабушкой.

Вот только деревенские парни смотрели на меня с превосходством, и я понимал, почему — худой и тощий слабосильный мальчишка среди них не котиrowался. Меня самого это сильно раздражало, и я старался приложить все усилия, чтобы стать сильнее. Мои рыболовные снасти работали без остановки и поставляли нам рыбу в достаточном количестве, так что мы даже начали сушить ее на зиму. Пациенты у нас тоже не переводились, по молчаливому согласию я взял на себя всех хирургических больных, а бабушка в основном занималась наговорами и прочей белибердой. Выдав очередной просительнице «приворотного зелья», она смеялась своим басом и говорила:

— Вот видишь, Данька, какое зелье хорошее, от чего скажу, от того и поможет.

Не верила она в такие зелья абсолютно. Но вот заговоры у нее получались классно. Наши психологи, наверное, и близко не могли представить, как заговаривает, например, зубную боль обычная деревенская старуха, но даже я, когда слушал ее монотонный голос, читающий очередную «мантру», поддавался этому колдовскому воздействию. Все эти передаваемые по наследству ритмы и слова веками вырабатывались поколениями знахарей, а потом были потеряны в наше время научной медицины.

Благодаря болящим у нас имелась мука и кое-какой запас соли. У бабки было несколько

кадушек, и скоро они заполнились моченой брусникой, клюквой, грибами. Я договорился с одним из деревенских мужиков, который был кем-то вроде скорняка, и тот за приносимую мной рыбу потихоньку сшил нам с бабушкой тулупчики из порченной овчины, которую более состоятельные крестьяне не брали, да и нам он сшил их только потому, что в деревне крестьяне всё предпочитали делать дома, ни к кому не обращаясь за помощью.

В селе, которое имело очень занимательное название «Голь», была и церквушка, но своего попа не имелось. Приезжал священник редко. В этот день в деревне обычно шла служба, и колокол звонил с раннего утра. Бабушка надевала свой самый приличный наряд, я также наряжался в свои обноски, и мы шли на службу. Слушали попа, вовремя кланялись и, стоя на коленях, бухались лбом об пол. Во время исповеди поп все спрашивал меня, не грешу ли я рукоблудием, не смотрю ли с вожделением на девочек, а также интересовался, чем занимается бабушка, не прибегает ли она в лечении к помощи сатаны. На это я всегда твердил, что мы утро начинаем с молитвы, что у нас в красном углу три иконы, а по святым праздникам даже зажигаем лампадку. Разочарованно выслушав это, попик рассеянно крестил меня и, произнося: «Отпускаю твои грехи, отрок!» — отпускал на все четыре стороны.

Так за хлопотами пришла осень, а за ней и зима. Нашу землянку замело сугробами, мы большую часть времени проводили внутри, наверх выходили только взять дрова да выбросить помой из деревянной кадушки, приспособленной вместо ведра. Когда уже установился хороший снежный покров, я встал на лыжи, которые мне подарил один из пациентов, и отправился ставить петли на зайцев. Никогда в жизни я не занимался этим и делал все интуитивно. Заячьих троп в лесу виднелись десятки, и, несмотря на мое неумение, зайцы попадались, надо было только прийти раньше, чем лисы или волки, иначе от зайца оставалось только красноватое пятно на снегу. Кроме того, я проводил эксперименты: выпросил в деревне кишки свежеебитого барана, высушил их и попытался нарезать тоненькими полосками, пригодными для хирургического шитья. В маленьком глиняном горшочке у меня хранилось немного хлебного вина, то бишь самогона, в который я опускал получившиеся нити, там же лежали обычная толстая льняная нить и две страшные иголки, за которые мне пришлось отдать не один десяток зайцев.

Ежедневные физические упражнения, ходьба на лыжах и достаточно приличное питание наконец сделали свое дело, я начал поправляться и даже вырос, что с удивлением отметила бабушка:

— Смотри-ка, Данила, да ты уже почти с меня ростом, и мясом вон обрастать начал.

Да я и сам чувствовал, что еще недавно слишком тяжелый для меня топор теперь летает, как перышко. И после круга на лыжах не было ни одышки, ни дрожи в коленках.

Зимой к нам практически никто не приходил, лишь изредка кому-то в деревне требовалась помощь, и мы с бабушкой шли туда. За лечение никто ничего не платил, но кормили от пуза. Пока еще у всех имелось и мясо, и зерно. Вот что будет к весне, еще никто не знал.

Наша с бабушкой жизнь резко изменилась в один момент. Мы сидели в теплой землянке, горел тусклый огонек жирового светильника, я слушал бабкины заговоры, стараясь запомнить их ритм и напевность. Неожиданно сверху послышались голоса, двери распахнулись, и к нам спустились двое мужчин, одетых в наряд, похожий на стрелецкий.

— Эй, вы! Ты, что ли, будешь знахарка Марфа?

— Ну я, — ответила басом нисколько не заробевшая бабушка и, встав, нависла головой над низкорослым мужиком.

Тот отшатнулся и уже тоном пониже произнес:

— Так это, ты давай собирайся и внука своо бери. Там медведь боярина нашего порвал, Кирилла Мефодьича, и никого здесь, кроме вас, нету — помочь оказать.

Мы с бабушкой молча собрались, одевшись и взяв все необходимое, вышли наверх. Спустившись вниз по протоптанной от реки тропинке, сели в стоявшие там сани, запряженные тройкой скакунов, и лошади резко рванули вперед. Трое конных с гиканьем и свистом полетели за нами. Через десять минут мы уже были в деревне. Поезд боярина остановился у околицы, в нем было несколько санных кибиток и множество дворни. Сам же боярин находился в доме старосты. Когда мы зашли внутрь и перекрестились на иконы, услышали, как в другой половине дома громко стонет и ругается раненый. Горело несколько восковых свечей, но все равно было темновато, и я попросил зажечь еще несколько. Староста, недовольно покосившись на меня, принес еще пару шгук и зажег. Стало немного светлей. Я увидел: на коротком топчане полулежал крупный толстый мужчина. Лица видно не было, его закрывала блестящая внутренней поверхностью в свете свечей кожа скальпа. Я подошел и осмотрел раненого: сзади на его шее ярко выделялись глубокие следы пяти медвежьих когтей, затем шли рваные края раны, там когти медведя, захватив кожу, начали сдирать скальп с головы, выворачивая и нахлобучивая его на лицо. Я пощупал пульс, тот был частый, но хорошего наполнения, видимо, давление не падало, внутренних кровотечений не было. В это время бабушка развязала тюк, который мы привезли с собой. Слуги молча наблюдали за мной, ожидая, что будет дальше.

Я еще раз внимательно осмотрел внутреннюю поверхность скальпа и голый череп — все было чисто, ни мусоринки, ни хвоинки. Потом взялся за нижний край кожи и одним движением надел скальп обратно на череп. Боярин слегка вскрикнул. Вместо страшной розовой поверхности перед нами возникло лицо мужчины средних лет, явно привыкшего держать в руках власть.

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Это что же такое, вы кого привели мне, где знахарка? Федот! Закопаю!

— Кирилл Мефодьевич, так вот и знахарка, и внук ейный, он тоже в этом деле понимает. Народ бает, легкая рука у него.

Боярин с кривой болезненной усмешкой посмотрел на меня:

— Ну что, отрок, как меня врачевать будешь?

Но тут подросла моя бабка и сказала своим басом:

— Боярин, на-кася, испей вот этого, — потом отпила для начала сама и дала барину стакан, наполненный воняющей валерьянкой жидкостью.

Тот подозрительно обнюхал стакан и сказал:

— Ну-ка, отпей еще раз. Ох, бабка, и страшна же ты ликом!

Бабушка послушно отпила еще раз, после чего боярин, перекрестившись, залпом выпил вонючую микстуру.

Несколько минут спустя он уже засыпал. Я расставил на столе свои приспособления и несколькими швами пришил скальп в месте разрыва кожи — была надежда, что в эти времена, когда людей еще не избаловали антибиотиками, у раненого вряд ли начнется воспаление. Но вот ранки от медвежьих когтей я со всем старанием обработал остатками

самогона.

Сделав свои дела, посмотрел на старшего, которого боярин назвал Федотом.

— Так... вроде мы все сделали, можно бы нас и домой отвезти.

Федот в ответ лишь зло оскалился:

— Ишь какой быстрый выискался, ты лечил, ты за все и ответ держать будешь, если что не так. Эй, парни! Давайте, собираемся в дорогу, а этих под охрану, но вреда не причинять. Пока поступайте с ними бережно.

Ехали мы долго. Видно, любил боярин охоту, далеко забрался в поисках медведей, вот и получил по голове. Мы с бабушкой мерзли в санях, на стоянках нам даже не давали горячего, только кинули несколько высохших пряженцев, наверно испеченных еще перед охотой, и предложили заесть снежком.

Замерзая в санях, я понял, что значит на Руси быть простым человеком: наша с бабушкой жизнь целиком зависела от того, будет ли жить боярин. Если нет, то придется нам умереть страшной смертью. И я дал себе обещание, что, если останусь жив, сделаю все, чтобы выбиться в люди и не зависеть по крайней мере от какого-то мелкого боярина, которого в Москве знают, может, только дьяки, ведущие родословные бояр с рюриковских времен.

Но на следующей остановке к нам, что было удивительно, пришел Федот в сопровождении повара, нас накормили отварной медвежатиной и предложили горячего сбитня и водки. Вел себя Федот предупредительно, из чего я понял, что пока с боярином все в порядке. После этого мы ехали еще сутки.

Но вот санный поезд въехал в какое-то село, послышались собачий лай, множество голосов, скрип открываемых ворот, сани двинулись во двор и остановились.

Вскоре до нас донеслись охи и ахи, потом дикие женские крики.

«Во как в старину по раненому мужу жены кричали!» — с усмешкой подумал я.

Но вскоре крики смолкли, мы с бабушкой слезли с саней и огляделись.

Мы оказались на обширном дворе, перед большим домом с высоким резным крыльцом, Вокруг стояла суeta, распрягали и отводили в конюшню коней, ставили на место сани и кибитки. Подошедший Федот подтолкнул нас в спину:

— Идите вверх, вас сам Кирилл Мефодьич требует.

Какой-то мальчишка, наверно моих лет, повел нас на крыльцо, а затем в небольшую комнату, где на кровати сидел боярин. Две девушки снимали с него сапоги и верхнюю одежду. Рядом с боярином стояла полная женщина с остатками былой красоты на лице и тревожным выражением глаз. Увидев мою бабушку, она вздрогнула, побледнела и, отвернувшись, начала креститься. Девки, видимо, тоже испугались, но продолжали свое дело.

Я про себя подумал: «Все-таки я очень привык за это время к своей новой бабушке, потому как уже не вижу в ее лице ничего ужасного».

У боярина вид был, пожалуй, не лучше, чем у Марфы: синюшное лицо, нижняя часть лба и веки отекали так, что он едва мог открыть глаза. Уши были почти черными и как-то нелепо торчали в стороны. Но выглядел он достаточно бодрым и сразу потребовал, чтобы мы сказали, как у него пойдут дела дальше.

Я попросил разрешения его осмотреть и положил руку на лоб, потом проверил пульс.

Температуры, похоже, не было. Прощупал голову, что было для него достаточно болезненно, — выраженных следов воспаления пока не увидел. Некроза, которого можно было ожидать, тоже не было.

— Кирилл Мефодьевич, пока все идет как надо, но заживать будет долго. Вам еще очень повезло. И швы надо через несколько дней снять, а то могут загнить.

— Хе-хе, а как тебе повезло, парень, — хрипло засмеялся боярин. — Сейчас бы висел на березовом суку вверх ногами и молил о смерти, если бы что не так пошло. Да ладно, не бойсь, я ведь вижу, что старался. В общем, вот тебе мое слово: пока я не поправлюсь, здесь будете, потом отпущу и награжу, чтобы никто не сказал, что боярин Михайлов не по-христиански поступает. А если захотите, возьму вас обоих на службу, будете у меня в лекарях ходить.

Бабка толкнула меня в спину, я вместе с ней встал на колени и смиренно поблагодарил боярина за заботу. Довольный Михайлов отпустил нас, приказав, чтобы ключник искал, где нам жить.

Началась жизнь в боярском доме, ничего такая жизнь, приятная. Делать мы с бабулей ничего не делали, раз в день посещали боярина, я снял ему швы, а бабушка мазала подсыхающие раны своими мазями, чтобы все быстрее заживало. Отек и синева на лице понемногу сходили, и поэтому боярин к нам относился благосклонно. Бабка Авдотья, местная знахарка и повитуха, до ужаса боялась моей бабушки и старалась с ней не встречаться. Но вскоре дворня прослышала о том, что бабка Марфа может сделать приворотное зелье, и к нам началось паломничество девок, которые хотели замуж. Да и парни изредка приходили. Питались мы вместе со всеми в людской, кормили у боярина неплохо, для своих людей еды он не жалел, чего не скажешь о его крестьянах, с которых сдиралось все, что можно было содрать.

Для меня это время оказалось полезным, я по крайней мере общался с людьми, слушал их рассказы, вникал в их взаимоотношения, по вечерам учил бабкины заговоры. Мне хотелось научиться так же, как она, снимать боль словами. С местным кузнецом тоже были неплохие отношения, особенно после того, как он узнал, что мой отец тоже был кузнец. Кузнец попытался сделать мне по моим рисункам несколько медицинских инструментов, но у него почти ничего не получилось.

— Это, парень, тебе надо златокузнеца искать, те с малолетства глаз тренируют и блоху подкуют, а мы по-простому, топоры да плуги делаем, вот петли дверные могу сковать, а уж подкову с закрытыми глазами сделаю, — сказал он мне после неудачной попытки выковать пинцет и зажимы.

Но вот наступил день, когда я осмотрел боярина и сказал ему, что он полностью здоров. На его вопрос, останемся ли мы у него на службе, я ответил, что согласен служить ему до весны, а если боярин будет добр и щедр, то и дальше.

Кирилл Мефодьевич соизволил засмеяться и отпустил меня, сказав, что подумает, какое жалованье мне положить, а что касается работы, то она известная — лечить всех больных, которые появятся.

Что бы ни говорили, а определенный порядок на Руси был, никто не мог просто так похолопить человека. И пока не подписался в кабальной записи, я был свободным человеком со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Время шло незаметно, я по-прежнему занимался физической подготовкой, оружные холопы, также постоянно тренировавшиеся во дворе, быстро заметили мое усердие и как-то раз десятник, оценив мои физические данные, предложил заниматься вместе со всеми. Боярин, все замечающий на своем дворе, ничего против не имел, а только сказал:

— Вы там моего лекаришку ненароком не пришибите, он мне, может, еще пригодится, да и вам тоже.

И вот я вместе того, чтобы бегать по утрам, начал махать боевым топором. Первое время через несколько минут топор уже вываливался из моих ослабевших рук. Но с хорошим питанием и тренировками сила начала прибывать во мне немерено, и бабушка по утрам с удовольствием оглядывала меня, шепча при этом:

— Ну вылитый отец, чистый Прошка.

К весне на тренировках я уже ничем не отличался от нескольких молодых воев, которые весной должны были сопровождать боярских детей на смотр в Торжке. Я все чаще ловил на себе задумчивый взгляд боярина.

И вот в июне, когда были в разгаре местные «сборы», предложил он мне также поехать с ними в качестве воя, ну а если надо, и лекаря. Естественно, двойной оплаты он мне за это выдавать не собирался. Я с удовольствием согласился. Тем более что на коне сидел как влитой, стоило только немного потренироваться и вспомнить навыки. Мои доходы пластического хирурга вполне позволяли посещать конюшню и ипподром, где я много лет занимался конной выездкой. Поэтому здесь я при первой же возможности уселся на коня. Мои способности никого, кроме бабушки, не удивили, но она-то прекрасно знала, что на коня я не садился ни разу в жизни, хотя за полгода уже привыкла к моим странностям и ничего не сказала по этому поводу.

Расставались мы тяжело, и у меня, и у нее слезы блестели на глазах.

— Данька, внучок мой, не увижу я тебя больше, сердце мне всегда правду говорит, дай обниму тебя на прощанье. Обо мне не беспокойся, теперь я тут останусь, буду телепаться помаленьку. А ты живи, я ведь вижу, высоко ты взлетишь, но смотри, как бы падать больно не пришлось.

— Бабуля, да не беспокойся ты так, войны нет сейчас, смотр пройдет, назад все приедем.

— Ох, Данька, сердце мое вещун, его не обманешь, не увидимся мы больше с тобой. Ну да ладно, у тебя жизнь молодая, чего тебе о старухе переживать, езжай с Богом.

Из-за такого прощания первые часы путешествия я ехал, не особо обращая внимание на окружающее, но постепенно плохие мысли ушли, я с удовольствием отдался бездумной езде по влажной после дождя дороге, слушал щебетание лесных птиц и периодически раздававшийся хохот молодежи, обсуждавшей на ходу достоинства девок, встречавшихся по пути.

Я ехал и ловил себя на мысли, что мне это все нравится. Нравится сидеть на коне и легкими движениями шенкелей направлять его в нужную сторону, нравится ехать по весеннему лесу и вдыхать свежий воздух, пахнувший озоном, а не бензиновыми выхлопами.

«Наверное, это мое молодое тело передает своему пожилому сознанию эмоции», — думал я.

Через полдня мы остановились, ослабили подпруги у коней и, оставив их щипать свежую травку, принялись кашеварить. Боярские дети Дмитрий и Борис ничем, кроме

доспехов и одежды, среди нас особо не выделялись и наравне со всеми участвовали в приготовлениях к трапезе. Скоро в котле над костром закипела вода. Готовилось пшено с салом. В другом котле кипела вода для питья. Каждый заваривал в ней все, что хотел, — от смородинового листа до малины или сушеной черники. После обеда появилось желание прилечь, но боярин, у которого была намечена встреча с соседом, чтобы вместе ехать в Торжок, торопил нас, и потому, посидев после еды с полчаса, мы снова отправились в путь.

Часам к четырем увидели группу вооруженных всадников, похоже ожидавших нас, и на всякий случай подготовились к бою. Наша подготовка не понадобилась — это оказался наш сосед боярин Шадринский со своими детьми и свитой. Хозяин и Шадринский обнялись, похлопали друг друга по спинам и поехали рядом, о чем-то оживленно переговариваясь. Скоро и наша колонна потеряла стройность — все ехали, обмениваясь впечатлениями и делясь новостями.

Дорога была заранее продумана, так что к вечеру мы как раз подъехали к большому селу с постоянным двором. Конечно, спальных мест там хватило только для бояр, нам же пришлось ночевать на улице. Но после хорошего ужина с выпивкой и на улице была благодать. Расстелив войлочные подстилки, мы с удовольствием развалились на них. Только те, кому по жребию выпало дежурить, с тоской глядели в нашу сторону.

Утром мы не торопясь встали и, позавтракав, отправились в дорогу. Эх! Вот что мне нравилось в прошлом, так это то, что никто никуда не торопился! Мне, привыкшему к сумасшедшему ритму жизни, все казались до ужаса медленными, а я, соответственно, казался им торопыгой, но таких, как известно, не очень уважают. И поэтому я все время старался себя сдерживать и соответствовать своим товарищам во всем. И в конце концов это мне понравилось.

К обеду мы достигли стен Торжка. Насколько я знал, в мое время это был небольшой городок в Тверской области. Но сейчас это оказался вполне приличный город, окруженный деревянной стеной, и с воротами, в которых скопилась немалая очередь. Мы попытались освободить проезд для наших хозяев, что было бесполезно, кони просто вязли в массе людей и отказывались идти дальше, ну не рубить же саблями своих земляков!

Поэтому мы встали в общую очередь и примерно через час прошли ворота. Когда были еще на подходе, охрана у ворот уже считала нас, а старший кому-то кричал:

— Бояре следуют, Михайлов и Шадринский с детьми и людишками.

Проехав в город, мы направились в боярский дом, где уже ждали хозяина и к нашему приезду все было приготовлено. Баня уже оказалась протоплена, и почти сразу Кирилл Мефодьевич в сопровождении двух дебелых теток проследовал туда, а наши воинские начальники обменялись понимающе завистливыми взглядами. Мы все тоже понимающе переглянулись и начали осматривать двор в поисках девиц.

Но, увы, девиц не было или они все попрятались и сейчас высматривали кавалеров по душе. Потом всех нас начали распределять на постой. Мне повезло: в доме имелась каморка лекаря, и поэтому у меня здесь оказалась отдельная жилплощадь. Так что дело было за малым — за девицей.

На следующий день началась суeta, смотрели оружие, чистились доспехи, в общем, подготовка к смотру шла полным ходом.

Я также принимал активное участие в процессе, но голова моя была забита другими

мыслями: если я хочу стать незаменимым лекарем, я должен оперировать, а как оперировать без наркоза? В свое время я немного увлекался химией и знал, что первый эфир алхимики получили еще бог знает в каком веке, и сейчас этот продукт, наверное, можно достать. Но, видимо, для меня было бы проще сделать эфир самому. Купоросное масло, как называлась сейчас серная кислота, я найду, а спирт? Ну, спирт придется делать самому. К счастью, перегонные кубы уже имелись, и мне ничего не стоило заказать самогон двойной, а то и тройной очистки и, пропустив его через березовый уголь, получить вполне приличный очищенный спирт. А далее смесь спирта и серной кислоты придется возгонять при невысокой температуре — и готов эфир. Конечно, концентраций и пропорций я не помнил, но главное ведь сама суть, а все другие вопросы решатся в процессе эксперимента.

Я сидел задумавшись: ведь эфир был получен где-то в тринадцатом веке, и прошло почти семьсот лет, прежде чем он стал использоваться при наркозе. Как же медленно движется человеческая мысль и что я натворю, если начну оперировать под наркозом! Не знаю, как история мира, а вот история России, если у меня что-то получится, наверняка изменится очень сильно, и что самое интересное — абсолютно неизвестно, в какую сторону. Мои размышления были прерваны толчком в бок, мой товарищ Феофан, которого все называли просто Фофан, засмеялся:

— Где, Данила, летаешь, небось уже девку в мыслях щупаешь.

— Да иди ты, Фофан, куда-нибудь подальше, какие девки? Все о смотре мыслю, как пройдет.

— Да что смотр, все как в прошлом годе. У нас все как положено, и кони, и снаряжение. Воевода придирааться не будет. Вот вечером надо в кабак сходить, а потом по бабам.

— Ага, сходи, дурную болячку подхватишь, а я ее лечить не умею.

— Рассказывай, не умеешь ты! Вон у Кирилла Мефодьича шкура обратно к голове приросла, я такого никогда не видел. А тут уд вылечить не можешь.

— Если говорю, не могу, значит, нет.

— Ну ладно, ладно, в кабак-то хоть пойдешь?

— Пойду, мне как раз надо прицениться к хлебному вину. Требуется ведро купить для дела.

Прервал наш разговор сам боярин:

— Вы чего тут вместо дела лясы точите?

— Кирилл Мефодьевич, так мы уже все, что нам поручено, исполнили. Вот гляньте, все блеснит, — бойко затараторил Феофан.

— И то верно, изрядно блеснит, а за бойкость получи. — И боярин отвесил Фофану хороший подзатыльник, от которого тот кубарем полетел на землю, но тут же вскочил и поклонился в пояс:

— Спасибо за науку, Кирилл Мефодьевич, век вас благодарить и помнить буду.

Боярин рассмеялся:

— С тобой, Фифанишка, никаких скоморохов не надо, всех переплюнешь, — и, повернувшись, ушел в дом.

На следующий день был смотр детей боярских. Наши Дмитрий и Борис, сверкая доспехами, горделиво сидели на конях, рядом с ними грузно восседал отец, а мы стояли сзади как сопровождающие. На центральной площади перед входом в кремль столпились десятки таких же боярских детей, составлявших основу любого войска этого времени. Строя

как такового почти не было. Группа дьяков во главе с воеводой медленно двигалась, проходя мимо стоявших бояр. Места на площади давно были распределены, и ссор из-за того, что кто-то незаслуженно встал вперед, пока не возникало. Но вот двое пожилых бояр не выдержали и вцепились друг другу в бороды, крича о нарушении местнического права и доказывая друг другу, у кого род старше. К моему удивлению, никто не смеялся, лица у всех были серьезны. Видимо, каждый из бояр примеривался: как, если что, отстаивать свои права. К нашей группе дьяки подошли достаточно быстро, что говорило о приличном положении нашего хозяина в местной иерархии. Но тем не менее легкую тень облегчения на его лице я заметил.

Нашу команду проверяющие осмотрели благосклонно, старания не прошли даром, все, что нужно, дьяками было записано, и мы через два часа поехали обратно в дом, или, лучше сказать, в усадьбу.

Настроение у всех оказалось праздничное, только вот Борис и Дмитрий были невеселы, они-то рассчитывали, что сразу отправятся на какую-нибудь войнушку, где быстро заработают себе чины и звания, но этого не случилось. Сам Кирилл Мефодьич тоже был доволен, сыновей определили хоть и не по высшей статье из-за их малолетства и неопытности, но и не по последней.

Дружине дали вольную на вечер, и все собирались в ближайший кабак. Я тоже намеревался посмотреть, как пили мои предки в эти времена, но не срослось.

Под вечер раздался громкий стук в ворота. Когда их открыли, во двор прямо на коне въехал воин. Удивленные таким нарушением традиций люди уставились на него. Но воин, пробурчав, что он — срочный гонец к боярину, прошел в дом, не дожидаясь, пока сам Кирилл Мефодьич выйдет на улицу. Через какое-то время прибежал Федот и сообщил:

— Данила, давай собирайся, поедешь с боярином Кириллом Мефодьичем, что-то там у воеводы срочное.

Когда я спустился с сумками, мой конь уже был оседлан, а боярин нетерпеливо накручивал круги на своем жеребце.

— Где тебя черти носят? — громко крикнул он, тут же перекрестился и, пробормотав: — Прости меня, Боже, грешного! — двинулся в открытые ворота.

Я прыгнул в седло и наметом полетел за ним. Через несколько минут мы въезжали в ворота кремля, возле которых провели сегодня много времени. Спешившись и кинув поводья встречающему конюху, мы прошли в высокий терем, а затем нас по узким лестницам провели в маленькую комнату. В комнате было душно и жутко воняло. На кровати лежал очень полный старик, по грудь закрытый покрывалом. Рядом с ним стояли какой-то мужчина в европейском костюме и воевода.

Последний с изумлением посмотрел на меня:

— Это что, Мефодьич, твой лекаришка, что ли? Ты бы еще ребенка сюда приволок.

Кирилл Мефодьич насупился:

— Ты, Поликарп Кузьмич, язык-то придержи, если бы не этот лекаришка, может, меня и в живых сейчас не было бы.

— Да ладно, не обижайся, расстроен я сильно. Вот дядька мой захворал, месяц еле дышал, а вчера вообще слег.

— Так, я смотрю, у тебя лекарь немец, чего ты меня позвал?

— Да понимаешь, молва прошла, что есть у тебя чудо-лекарь, только посмотрит, и уже

легче становится.

— Поликарп Кузьмич, да бабьи это пересуды все. Ну сам посуди. Ты муж опытный, какие такие взгляды? Парня бабка-знахарка в лесу натаскала, как собаку. Вот он и лечит, но не взглядом, а руками и молитвой. Так, а немец-то что же, не помог?

— Да он серебро аккуратно берет, какие-то пилюли дает, вот кровь вчера пускал, а дядьке все хуже, я уже думаю, может, попа звать. Но сам знаешь, утопающий и за соломинку хватается, а дядька для меня не последний человек.

— Ну, Данила, давай, смотри болящего, — обратился ко мне Кирилл Мефодьевич.

Но тут вперед выступил европеец:

— Это есть что такое, малчишк лечить больной? Это есть нонсенс, толко в варварская Московия я видеть это. Я есть врач, закончить Болонский юниверситет, а тут знахар из лес. У вашего больной есть истечений желчи в легкие, и мозговая жидкость ушла в селезенка, необходимо пускат кровь и клизма ставить.

Но воевода грубо сказал:

— Помолчи, схизматик, когда православные говорят, ты уже месяц вокруг ходишь, серебра немерено выудил, а дядьке все хуже, толку нет от тебя.

Немец обиженно поджал губы и отступил в сторону.

Я подошел к кровати и откинул одеяло. На меня пахло запахом немытого тела и мочой.

Передо мной лежал крупный костистый мужчина, который тяжело и часто дышал, ноги его были отечны до колен, да и лицо также отекло со стороны правой щеки, которой он лежал на подушке. Я взял его за руку, чтобы прощупать пульс, и немец презрительно фыркнул. Не обращая внимания на фыркание, продолжил осмотр. Пульс был очень частый (наверно, больше ста ударов в минуту), слабого наполнения, но ритмичный. Я под возмущенное фыркание немца прослушал ухом легкие и сердце. Когда же перкутировал границы сердца, лекарь, кажется, все-таки понял, что я делаю, и заинтересованно приблизился ко мне. Я же пропальпировал живот. М-да, печень, как я и ожидал, оказалась почти в малом тазу.

— Кирилл Мефодьевич, мне можно с воеводой поговорить? — спросил на всякий случай боярина.

Он кинул взгляд на воеводу, а тот махнул рукой:

— Пущай спрашивает.

— Поликарп Кузьмич, а сколько лет вашему дядьке?

— Так шестьдесят шесть уж было.

— А когда он заболел?

— Заболел-то он давно, уже несколько лет, потом одышка началась, ходить не мог, задыхался, а потом уже ноги пухнуть стали, вот мы и подумали, что все теперь, отходит.

Дядька лежал с отсутствующим видом, как будто мы разговаривали не о нем.

— Поликарп Кузьмич, я вам так скажу: болезнь у вашего родственника тяжелая, сердце у него плохо работает. И эту болезнь вылечить нельзя.

Поликарп Кузьмич горестно вздохнул, а немец саркастически улыбнулся.

— Но если он будет регулярно пить травы и кушать, как положено при такой болезни, то ему станет лучше, и, может быть, он даже сможет ходить, отеки пройдут.

Воевода задумчиво посмотрел на моего хозяина:

— Так, говоришь, бабка в лесу натаскала? — И резко повернулся ко мне: — Быстро признавайся, чей будешь?

— Да Данила я, сын Прохора-кузнеца, легко это проверить, и записи в церкви про меня есть, — обиженным голосом протянул в ответ.

Но все равно — воевода смотрел очень подозрительно.

— Ты чувствуешь, Мефодьич, как парень говорит, так, что ли, лесовики бают?

— Да брось, Поликарп Кузьмич, ты как из Тайного приказа, все интриги ищешь. Я сам лично из лесу его привез, никто мне его не подсылал. Так что решай, или лечит, или нет, воля твоя.

Воевода раздумывал недолго:

— А пускай лечит, я ведь вижу, что недолго страдальцу жить осталось. А тут... чем черт не шутит, может, и поможет чем, — сказав это, он стукнул себя по губам. — Ну вот, опять нечистую силу вспомнил, ох, прости, Господь, прегрешения мои тяжкие. Давай, лекаришка, рассказывай дальше, какие такие травы надо больному пить.

— Вам, Поликарп Кузьмич, я все расскажу и покажу, но только не при этом немце, вон он стоит, уши уже наострил, хочет мои секреты выведать.

— Хе-хе, — довольно засмеялся воевода. — Это ты правду сказал, у немца уши сразу покраснели. Пошел вон, Курт! Завтра за расчетом приходи.

И вот я остался в тереме воеводы лечить столь дорогого ему дядьку. Все мои отвары и настойки, которые я каждый день приносил, приходилось пробовать самолично, затем их пробовал холоп из дворни, и только после этого чашка с настойкой подносилась пациенту. Несмотря на прием настоя наперстянки и отвара хвощей как мочегонного средства, запрет на соленую пищу, улучшение шло медленно. Удивительно, что оно вообще последовало. Уж очень ярко было выражено атеросклеротическое поражение миокарда у больного. Но прошла неделя. Больной смог встать и пройти. Кроме того, я рекомендовал сводить его в баню. После этого от него по крайней мере не воняло. Через месяц состояние больного улучшилось, он выходил на улицу, мог вести достаточно длинные беседы с племянником. А я задумался, что же делать дальше.

За это время я смог купить столь необходимые мне ингредиенты для производства эфира, причем за ними не нужно было даже ходить, все принесли прямо в дом. Воевода, наверно, побаивался отпускать меня. Ему все мерещились злые замыслы против него. Также удалось купить и посуду, необходимую для перегонки. И начались опыты. Стекла я перебил немало, испробовал разные режимы нагрева и концентрации серной кислоты и спирта. И вот результатом этих мучений явилась двухлитровая бутылка эфира. Теперь мне нужен был только помощник, чтобы обучить его давать наркоз, и я смог бы делать хотя бы простые операции, не мучая людей и не доводя их до болевого шока. Местный ювелир с удовольствием сделал мне иглы и инструменты, очень интересовался, как их применять, но пояснений не получил. Конечно, моя деятельность не прошла незамеченной, и мне пришлось кое-что объяснять воеводе, который, услышав о пускании дымов и кипячении, пришел самолично проверять, что творится в его доме. Как и всех, его больше всего интересовало, нет ли здесь какого черного колдовства. Но, увидев небольшой перегонный куб, березовый уголь и купоросное масло, он махнул рукой:

— Дозволяю, может, чего у тебя и выйдет.

Когда же до него дошло, что больной или раненый будет спать, а в это время без боли

можно ампутировать, например, руку, он от возбуждения забегал по комнате.

— Данилка, светлая ты голова, это же надо до такого додуматься! Ой не верю я, парень, что ты крестьянский сын, что-то здесь не так. Может, ты забыл чего? — спросил он с надеждой в голосе. — Может, ты байстрюк какой знатного рода?

И тут я решил пойти ва-банк:

— Поликарп Кузьмич, никому не говорил, но вам скажу, вы все равно прямо насквозь меня видите. Бабушка мне сказывала, что отец мой Прохор как-то подковывал лошадь проезжему боярину, и у него в возке лежал мальчик годков десяти на вид, в беспамятстве он был. И тот боярин, как отец бабушке рассказывал, очень богато выглядел, сабля вся в золоте и камнях драгоценных. Он вроде как боялся чего или гнались за ним. Тут Прохор между делом рассказал, что у него сын такого же возраста вчера в лесу пропал, нашел он место, где растерзал его медведь — и косточек не оставил, чтобы похоронить, еще даже не знает об этом никто. Так боярин Прохору мальчика этого отдал и серебра пригоршню насыпал: воспитай, говорит, как сына своего, а когда у меня все устроится, я мальчонку своего заберу. Я, когда из беспамятства вышел, не помнил ничего, так и считал крестьян моими родителями. Три года назад язва моровая по деревне прошла, и приемные родители умерли, вот я у бабки Марфы и жил. Она меня учила травами лечить, заговаривать. А последний год стал я сам читать и писать, вроде не учился, а от бабушки Марфы по лекарскому делу все с налету схватывал. Тут она мне и рассказала про то, что я вроде из боярских детей буду. Но я молчал все время: доказать нечем, да, может, отец-то мой настоящий прижил меня на стороне, тоже нехорошо.

Поликарп Кузьмич слушал все как давно ему известное.

— Я же Мефодьичу сто раз говорил, что слишком ты боек для смерда и знаешь много. Кто же у тебя отцом может быть, чтобы таких учителей иметь? — восторженно заговорил он. Неожиданно воевода остановился на середине фразы и о чем-то задумался.

— Ты знаешь, Данила, а ведь подозреваю, кто может быть твоим отцом. Да, точно, вы ведь как две капли воды похожи. Ну-ка давай заворачивай рукав.

Он замороженно уставился на родимое пятно на правом локте.

— Вот оно, пятно родовое. Ну, Даниил, поедem скоро мы с тобой в нужное место, пусть посмотрит на тебя один человек. Если признает тебя, быть тебе в золоте и чести.

Пока Поликарп Кузьмич собирался меня куда-то везти, наступила осень. Уже больше года я находился в новом для меня мире. За это время произошло много событий, я вроде неплохо устроился в жизни, к тому же маячила перспектива стать боярином и пользоваться относительной свободой. Проверок я не боялся. Кроме бабушки, мои слова проверить было не у кого. А уж моя бабушка — умнейшая женщина, сразу поймет, почему ее спрашивают, и на сто процентов подтвердит мои слова. А все остальные свидетели моего появления на свет уже несколько лет лежали в сырой земле.

Мы еще немного поговорили о моих лекарственных успехах, и меня отпустили. Самое интересное, что уже на следующий день после того как я рассказал воеводе о своем «благородном» происхождении, утром все со мной начали здороваться:

— Доброго утречка, Данила Прохорович.

Вот каким образом челядь все узнает? Я-то был уверен, что воевода и слова никому не сказал. А дворня уже сориентировалась.

Пока суть да дело, я учил выделенного мне в помощники молодого паренька Антоху проводить эфирный наркоз. Учились мы на дворовых собаках.

Вначале, когда начали затаскивать визжащих собак к себе, меня быстро обозвали живодером, но, увидев, что все собаки живы и здоровы, перестали обращать на это внимание. Скоро Антоха стал мастером наркоза для собак, и мы для пробы зашили одному кобелю ухо, порванное им в драке за гулящую сучку. Потом это ухо осмотрели все, от воеводы до главного псаря, который внимательно и долго разглядывал результат моего эксперимента и с удивлением сказал:

— Слушай, Данила, у собаки это ухо лучше, чем недраное, как такое может быть?

Я улыбался про себя: «Я же все-таки двадцать лет пластический хирург, неужели я ухо собаке правильно не пришью?»

Кстати, я начал тосковать по своей профессии, по женщинам, которые всегда окружали меня и которым я помогал стать красивее и привлекательней. В результате я снова начал рисовать. Ведь если пластический хирург не может рисовать, не может быть художником, существовать ему на самых нижних ступенях этой профессии. Но при рисовании я заметил странное обстоятельство. Моими пейзажами восхищались, но, когда я рисовал людей, реалистические портреты никого не привлекали. А вот с искаженной перспективой, как на иконах или миниатюрах, сразу привлекли толпу поклонников.

— Прямо как иконописец писал, — восхищались они.

Но когда я нарисовал поясной портрет воеводы, восторгу окружающих не было предела. А сам воевода, гордо поглядывая вокруг, велел повесить портрет в главном зале. Конечно, я слегка приукрасил Поликарпа Кузьмича, но в меру. И теперь он гордо взирал с портрета на приходящих к нему просителей.

В октябре в Торжок вновь приехал Кирилл Мефодьевич. На следующий день он посетил воеводу. Вскоре меня позвали к ним. Оба раскраснелись, на столе стояла большая бутылка, судя по запаху, анисовой водки.

Зайдя в комнату, я низко поклонился и стал ждать, что скажут мне бояре.

— Плохую весть я тебе принес, Данила, — наконец сказал Кирилл Мефодьевич. — Бабка твоя Марфа уважать себя заставила. Заболела она трясухой, как раз на Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, а на пречистую Феодору Александрийскую померла. Тебя все в бреду поминала, говорила, что большим человеком станешь. Я, грешным делом, сомневался, думал, старая перед смертью ерунду несет. А оно вишь как выходит. Что же ты, парень, мне не открылся? — И он обиженно посмотрел на меня.

— Кирилл Мефодьевич, да как же я мог такое сказать? Свидетелей на это дело нет, кроме моей бабушки. Запороли бы меня на конюшне за такие слова, и все. Спасибо Поликарпу Кузьмичу, это он острым умом своим дошел, что я что-то многовато для деревенщины знаю. И я понял, что если откроюсь, то он меня за дерзость не накажет. А вы, Кирилл Мефодьевич, меня тоже ведь своей заботой не оставляли, за что я вам век благодарен буду.

— Что же, Данила, ты человек свободный, а ежели тебя признает твой отец, то мы за тобою стоять будем. Только вот просьба у меня к тебе, сделай с меня парсуну такую же, как ты Поликарпа нашего Кузьмича изобразил. Не уеду, пока не сделаешь. Ты, парень, цены такой работе не знаешь. Да в Грановитой палате такой нет!

Поликарп Кузьмич засмеялся:

— Ха, из тебя торгаш никакой, Мефодьич, кто же перед работой сам цену поднимает? Но я сказал:

— Не волнуйтесь, Кирилл Мефодьевич, я за вашу заботу обо мне, за то, что в люди вывели, парсуну с вас напишу и в дар отдам.

Кирилл Мефодьевич в ответ, посмотрев на воеводу, произнес:

— Ты знаешь, Поликарп Кузьмич, у меня сейчас как пелена с глаз спала. И сам думаю, как я мог так обмишуриться, ведь как ясен день видно, что у парня кровь непростая.

Я стоял и злился. Эти бояре держали паузу подольше, чем иные артисты. Они понимали, что мне не терпится узнать, кого же они назначили мне в родственники, но фамилий не называли. И за стол меня не сажали. Видимо, такое произойдет, только если мой неведомый родственник признает меня своим сыном или еще кем-то.

Мы немного поговорили о моих лекарских успехах, и меня отпустили.

На следующий день стояли обедню в Спасо-Преображенском соборе, и я обратил внимание, что наш поп отец Павел немного гнусавит и на левой щеке у него приличный флюс. После службы я спросил у него, чего он так мучается, надо зуб удалить. На что он сказал:

— Данила, боюсь я этих коновалов проклятых, один раз в жизни на торге решился, так чуть не умер, как свинья визжал, которую к забою ведут. Невместно мне сейчас визжать, сан не позволяет. Буду так ходить, молитву прочитаю, и с Божьей помощью все пройдет.

— Батюшка, у меня есть водка особая, сам сделал, если ею подышать, то как бы опьянеешь и не почувствуешь ничего, а я вам удалю зуб, и все будет в порядке.

Поп сразу не согласился на удаление, но уже к вечеру сам пришел ко мне и сказал:

— Сделай хоть что-то, не могу больше.

Я тут же позвал Антоху, посадили бедного попа на тяжелый стул, я высмотрел больной зуб, и помощник начал капать эфир на маску. Через десять минут наш поп «поплыл», интенсивность капанья уменьшили, я взял изготовленные по моим чертежам клещи и, мысленно сказав: «С Богом!» — отделил лопаткой десну, крепко зажал остатки зуба клещами и начал раскачивать. Лицо отца Павла оставалось спокойным, он пытался улыбнуться. Я, раскачивая зуб, медленно вытащил его, затем положил на десну прокипяченную тряпочку (увы, ваты у меня еще не было). Корни, слава богу, все оказались целыми, в челюсти обломков не осталось. Мы с Антохой отвели отца Павла на топчан. Он по-прежнему улыбался и ничего не соображал. Но прошло четверть часа, и глаза его приняли осмысленное выражение. Батюшка сел повыше, оглянулся по сторонам и спросил:

— Так когда же ты меня мучить начнешь, изверг рода человеческого?

— Так, батюшка, все уже сделано, зуб вот он. Заберите себе да закиньте за печку от сглаза.

Отец Павел смотрел на меня, и на его лице расплывалась улыбка.

— Так я же почти ничего не помню. Ты вроде мне в рот железяку какую-то совал. Я думал, что еще долго.

Он сунул палец в рот. Я закричал:

— Батюшка, нельзя пальцами рану трогать! И дневную трапезу пропустите, а повечерять уже можно.

— Ну, спасибо тебе, отрок, недаром поговаривают, что благословение Господне на тебе лежит, легкая рука у тебя в самом деле.

Отец Павел еще долго рассыпался в благодарностях и потом ушел, благословив меня.

Антоха же сказал:

— Данила Прохорович, когда вы начали зуб удалять, я чуть сознания не лишился. Такой треск стоял, а попу хоть бы что. А уж когда клещами зуб потащили, я вовсе зашатался.

— То ли еще будет, привыкай, Антоха, вот поработаем с тобой годик, и тебя Антоном кликать станут.

Когда я приступил к портрету Кирилла Мефодьевича, посмотреть на это собрались все, кому позволяло положение. Женская половина дома стояла в первых рядах, светилась набеленными лицами, улыбалась начерненными зубами и мечтала о своих портретах.

Черные зубы у женщин первое время вгоняли меня в тоску. Очень уж было непривычно. Но за год я привык к этому и уже удивлялся, если у какой-нибудь девицы видел белозубую улыбку.

Я думал, что боярин откажется позировать при таком скоплении народа, но он, похоже, был даже доволен этим обстоятельством. Кирилл Мефодьевич восседал в горделивой позе на стуле с высокой резной спинкой и поглаживал свою роскошную бороду, которую ему постарались расчесать к такому событию.

Я, рисуя, вспомнил, кто ему расчесывает бороду, и чуть не рассмеялся. Да уж, в старину каноны красоты были совсем другими. На привычных нам красавиц никто бы взгляда не кинул. Но наш боярин в этом зашел очень далеко, в бане и в усадьбе его обслуживали две толстухи, которые взяли бы все первые места на конкурсах самых толстых. А остальные мужики только облизывались, глядя на такое великолепие.

Рисовал я портрет неделю. Кирилл Мефодьевич устал.

— Никогда не думал, что это такое долгое дело, — удивлялся он.

— Кирилл Мефодьевич, ведь на века делаем, чтобы ваши потомки смогли посмотреть на своего предка.

Но рисование портрета прервал неожиданный визит. Во время сеанса во дворе поднялся переполох, послышались крики, шум, и нам пришлось прекратить наши занятия. Когда мы вышли во двор, туда уже въехал возок.

— Архимандрит, — выдохнул боярин и побежал под благословение.

Действительно, нас без предупреждения посетил настоятель Борисоглебского монастыря Мисаил. Когда я увидел его лицо, сразу понял причину визита.

«Интересно, почему у служителей церкви флюс всегда с левой стороны?» — подумалось невольно.

Суета во дворе стояла дикая, все бросились за благословением, потому что Мисаил редко появлялся на людях, только в церковные праздники.

Но боярин быстро сориентировался, вскоре стража навела порядок, и Мисаил в сопровождении нескольких монахов зашел в дом.

Вскоре меня позвали. В приемном зале за столом сидели боярин и архимандрит. Когда я зашел и, как все прочие, попросил благословения, архимандрит, с любопытством смотревший на меня, протянул:

— Так вот ты какой, отрок... По рассказу отца Савла думал, ты постарше. — Тут он скривился от боли и схватился рукой за щеку. — Вот проклятый зуб, не дает жизни уже неделю, — пожаловался воеводе.

— Ох не говорите, отец Мисаил, я сам в прошлом году маялся, так ведь две недели не спал, — ответил боярин и продолжил, обращаясь ко мне: — Данила, тебе оказана честь невиданная, чтобы сам архимандрит к лекарю приехал, не было такого никогда.

Архимандрит, болезненно морщась, сообщил:

— Так я бы и не приехал, только вот отец Савл рассказал, что у твоего лекаришки специальное место есть для того, чтобы зубья драть. Отец Савл, как услышал, что я зубами маюсь, сразу мне поведал, что даже не слышал, как у него зуб выдрали. Правда ли, что надо водку нюхать?

— Да, отец Мисаил, — поклонившись еще раз, ответил я. — Надо нюхать, и будет что-то вроде опьянения, не почувствуете ничего.

— Давай, отрок, води меня туда, будешь мне сейчас зуб драть.

Архимандрит решительно встал и направился к двери. Боярин побежал за ним, погрозив мне кулаком. Я пошел вперед и, открыв двери, показал дорогу.

Когда архимандрит, оставив свиту за дверью, зашел в комнатку, наскоро приспособленную под операционную, он с удивлением осмотрелся вокруг. Комнатка была небольшая, стены и потолок выбелены, а полы протерты до желтизны. Здесь чувствовался чуть ощутимый запах эфира, который стоял в бутылки на чистом столе, а рядом под льняной тряпицей лежали прокипяченные инструменты.

Архимандрит увидел в углу комнаты большую икону Божьей Матери и спросил:

— Я такого письма не знаю, откуда у тебя эта икона, отрок?

— Отец Мисаил, сам я нарисовал эту икону, красками, освященными из иконописной мастерской. И доска кипарисовая там же взята с благословения отца Павла, и еще я по канонам греческим каждый день молитву Божьей Матери возношу во здравие тех, кого буду лечить.

Настоятель перекрестился вместе со мной на икону и сказал:

— Ну, лекаришка, говори, что делать надо?

Я усадил его на стул и позвал Антоху. Тот, зайдя в комнату и увидев пациента, грохнулся на колени. Настоятель довольно улыбнулся и, перекрестив распростершегося Антоху, нетерпеливо сказал:

— Давайте уж быстрее, что-то не по себе мне.

Антоха дрожащей рукой начал капать эфир на маску, наложенную на нос пациента. Архимандрит был постарше отца Павла, и я сказал Антохе немного уменьшить темп подачи эфира. Вскоре рауш-наркоз подействовал^[1]. Зуб у архимандрита оказался сложнее, чем у отца Павла, и, пока я его удалял, настоятель вспотел и даже успел испугаться, но в результате все прошло благополучно. Когда я, мокрый как мышка, стоял рядом с приходящим в себя архимандритом, в голове было одно: «Повезло дураку, что нос на боку, и какого фига ты сразу взялся за церковников, вот сейчас натворил бы дел и висел бы на дыбе, а допросчик спрашивал бы, сам или по приказу надумал известить настоятеля».

Но я все равно понимал, что именно с церковников надо начинать. По крайней мере, сейчас они удостоверились сами: все, что я делаю, делается с молитвой и с благословения Господня. Тем временем настоятель оклемался и, посмотрев на меня, непослушным языком спросил:

— Так все уже, Данилка?

— Да, отец Мисаил, уже все, вот ваш зуб, видите, прогнил совсем.

Архимандрит покрутил головой и сказал:

— А я ведь даже и не помню, как ты это все проделал. И знаешь, у меня боли остались, но вот уже не дергает так, что кричать хочется.

Он, слегка пошатываясь, встал и пошел к выходу, а у дверей обернулся и сказал:

— Давно доносили мне про тебя, что очень ты подозрительный человек, но сейчас мне, что действительно, как люди бают, лежит на тебе благословение Господа нашего Иисуса Христа.

В коридоре слегка пошатывающегося настоятеля подхватили под руки монахи и чуть не вынесли во двор, где он, сев в возок, устало перекрестил всех собравшихся, упавших на колени, и отбыл.

Тут меня срочно позвали к воеводе. Воевода сидел бледный, по лицу его тек пот:

— Ну, лекаришка паршивый, ты что творишь! Ну, видно, действительно под Божьим благословением ходишь. А если бы с Мисаилом что случилось? Да мы бы все в порубе сидели и дыбы ждали!

Он расстегнул ворот рубахи.

— Ох, что-то тяжело мне, сердце щемит.

— Поликарп Кузьмич, да не переживайте вы так, ведь все хорошо прошло. Зато теперь вы с архимандритом можете знакомство завести.

— Щенок! Не понимаешь ты, что ли, что по ниточке ходил! — рассвирепел воевода. — И я вместе с тобой. Ох, грехи мои тяжкие. Неси мне зелья своего с валерьяной, успокоиться надо.

Я сбегал за успокоительным сбором и дал выпить воеводе, тот взял чашку дрожащими руками и одним глотком проглотил ее содержимое, даже не сообразив, что выпил зелье без проверки. Но валерианка его не успокоила, он кликнул прислугу, и ему принесли небольшой штоф водки. Он залпом выпил целый стакан.

Через десять минут воевода успокоился и с пьяной улыбкой на лице сказал:

— Ты, Данила, явно в рубашке родился, и хоть детство твое в землянке прошло, но быть тебе в шелках и бархате, если все и дальше так удачно будет складываться.

Следующим утром, когда я встал и выбежал на улицу для утренней разминки, помахать моим любимым здешним оружием — клевцом, ко мне подбежал стрелец, охранявший вход в кремль, и, чему-то улыбаясь, сообщил:

— Данила Прохорович, там народ вас просит.

Когда я вышел из ворот кремля, картину увидел почти эпическую: около ворот, стоя на коленях, зывали ко мне со стонами и криками около десятка человек.

— Данила Прохорович, отец родной, не погуби, сделай милость, выдери зубы! — кричала толпа.

У всех собравшихся была одна и та же проблема: огромные флюсы виднелись у каждого, а у одного мужика, стоявшего на коленях, на правой щеке был здоровенный свищ, на дне которого виднелась кость нижней челюсти. Я беспомощно посмотрел по сторонам. Что же делать? А просители тем временем подползли ближе, и вот уже две бабы обнимали мои колени, плача горячими слезами. Один из мужиков, по виду зажиточный хозяин, кричал:

— Сколько хочешь заплачу, не могу больше терпеть! Христом Богом заклинаю, выдери эту заразу.

Оба стрельца, охранявшие вход в кремль, бессовестно ржали, глядя на это представление, а мне было совсем не до смеха. Не мог я оставить людей без помощи, а вот как все организовать, не представлял. Тут меня сзади хлопнули по плечу. Оглянувшись, я увидел воеводу. Он тоже улыбался, глядя на эту сцену.

— Ну вот, Данила, понял, что без куска хлеба не останешься? А это ты только вчера зуб архимандриту вырвал. Завтра у тебя народу не в пример больше будет. Вон видишь, домик махонький, там дурилка местный живет. Он тебе его за грош на три дня отдаст. Сделай там свою перационку и дери зубье. Да пусть платят по-божески, а то прослышали, наверно, что монасям так просто зубы драл, вот и собрались на дармовщинку.

Все получилось так, как сказал воевода. Мы с Антохой с помощью еще пары человек за час привели домик внутри из совершенно запущенного в состояние умеренной грязности и начали прием.

Первой забежала самая бойкая баба и, усевшись на стул, начала ойкать и сомневаться. Когда Антоха надел ей маску на лицо, она заорала:

— Вы честь мою женскую заберете, как только засну, так и заберете!

Пришлось выйти на улицу и кликнуть вторую бабу, которая клятвенно обещала присмотреть, чтобы мы не покусились на честь ее подруги. Потом я долго возился с мужиком со свищом. Он, боясь удалять зубы на торге, довел себя до того, что гной нашел выход наружу через кость нижней челюсти и кожу. Теперь болей как таковых у него не было, но свищ из-за постоянного притока гноя не зарастал. Я удалил ему зуб, выскреб пораженные остеомиелитом кусочки кости и, сказав, что ему надо еще раз прийти ко мне, отпустил. Остальные больные особого интереса не представляли, и мы достаточно быстро закончили работу. Хорошо, что Торжок не Москва, во второй половине дня больные закончились. Да и, надо сказать, зубы в это время у людей оказались, пожалуй, получше, чем в наше время. Мы с Антохой, сами изрядно нанюхавшиеся эфира, качаясь, вышли на крыльцо. В моем кошеле чувствовалась приятная тяжесть. Да, люди, получившие возможность удалить зубы без боли, денег не жалели. А то, что они лечились у лекаря, дравшего зубы у отца Мисаила и отца Павла, повышало их собственный авторитет до небывалой высоты.

Мы, собрав все свои принадлежности, медленно шли в кремль. У меня появилась мысль, что пора выходить из-под опеки воеводы и устраиваться в жизни самостоятельно. Про моих гипотетических родственников он, похоже, полностью забыл. Так что если я поработаю два-три дня, домик себе куплю. С такими мыслями я и зашел в кремль.

Уже темнело, и портрет Михайлова закончить мне не удалось. На следующий день, к моему счастью, потока просителей не было. Видимо, те, у кого имелись деньги, все сделали, а у кого их не было, сидели дома и лечились сами. Я смог наконец закончить портрет Кирилла Мефодьевича. Он в совершенном довольстве отбыл к себе, пообещав выполнить мою просьбу — привезти с okazji из нашей землянки книгу «Травник» с рецептами далекой старины. Про то, что ее там может не быть, я не думал. Вряд ли суеверные жители деревни решатся полезть даже в пустую землянку знахарки.

Воевода был занят делами — укреплял оборону города. Из Литвы поступали плохие вести. Я же тем временем готовил для многочисленных жителей воеводского дома и войска небольшое развлечение. Сразу, как только начал жить в кремле у воеводы, мне выделили коня. Конек был еще достаточно молодой, около пяти лет, и я решил заняться его выездкой.

Пришлось слегка переделать седло, стремяна и даже соорудить удила. Их, трензельное и мундштучное, изготовил наш кузнец, причем очень заинтересовался, зачем мне такие удила. Я уже с июля по октябрь занимался выездкой этого жеребца. В одно из воскресений в самом конце октября с разрешения воеводы устроил выступление. На него собрались почти все живущие в кремле. Народ зрелищами шибко избалован не был и все принимал на ура. Когда я, прямо держась в седле, выехал на середину огороженной площадки, все зашумели. Конь был вычищен и расчесан гребнем, слегка смоченным репейным маслом, а потому блестел на тусклом осеннем солнышке. Его бабки были обернуты белыми тряпками, в гриву заплетено несколько лент.

Ловко поворачивая коня, я поклонился всем присутствующим и начал выступление. Ну что я могу сказать? Если бы мой тренер видел это, ему было бы за меня стыдно. Но, учитывая, что подо мной оказался неопытный молодой конек, да и сам я все изрядно подзабыл, решил, что получилось неплохо. Зато народ был в неопишемом восторге. Такого не видел никто и никогда. Воевода смотрел на все это, открыв рот, а когда я спешился и подошел к нему, произнес только:

— Сомнений нет, ты его сын.

Но тем не менее опять не сказал: чей я сын и почему он мне ничего не объясняет? Хотя... когда наконец я серьезно подумал над этим, все понял: ведь я сам намекнул воеводе, что мой якобы отец находился в бегах, и, может быть, совсем небезопасно держать такого «родственника» у себя дома?

Кстати, я между делом выяснил все-таки, в каком году оказался и какой царь сейчас на троне. В разговорах местных жителей периодически проскакивало:

— В тот год Иван Васильевич Новгород брал и нас тоже не пожалел.

Осторожно, с помощью окольных расспросов, я выяснил, что пять лет назад царь Иоанн Васильевич взял Новгород, ну а по пути разгромил еще и Торжок, который до сих пор не оправился от тогдашней замятни. Поликарп Кузьмич с той поры и воеводствовал здесь. А ныне шел уже октябрь семь тысяч восемьдесят второго года от Сотворения мира.

Но всякой удаче когда-нибудь наступает конец. Так и я — возвращался с Антохой с заснеженного поля за городом, где подальше от любопытных глаз занимался выездкой и учился владеть своим любимым оружием клевцом. Почему-то этот боевой молот, которым можно было пробить любую броню, очень мне понравился. Эх, если бы меня видела бабушка Марфа!.. Она бы точно не узнала своего внука: за прошедшие полтора года я вытянулся и, наверное, перерос ее. А мои руки и ноги вряд ли кто-нибудь назвал бы худыми. Так что когда я ехал по городу, ловил немало любопытных девичьих взглядов.

Но мои размышления грубо прервали. Навстречу с пригорка спускались трое конных. Богато одетые, притом полностью в боевых доспехах. Несмотря на это я узнал их — это был Мартын, сын боярина Ставра, со своими прихлебателями.

Насколько я знал, воевода и Ставр недолго любили друг друга. Где-то мой хозяин перешел дорогу боярину.

— Посмотрите, один холоп другого ведет, — крикнул Ставр, и все захохотали.

Я молчал и ждал, что будет дальше.

— Ну что, лекаришка, наложил в штанишки, что-то говнецом завоняло, — снова выдал он.

Я не выдержал:

— Еще бы не воняло, ты со своими друзьями в баню сколько лет не ходил, недаром от вас девки на улицах шарахаются и на другую сторону перебегают!

Мартын мгновенно взъярился:

— Ты, безродное отродье! Как ты смеешь мне, боярскому сыну, так отвечать, быстро с коня и лижи сапоги, пока мне не надоест!

— А что, твои прихлебатели уже все языки отсушили, когда сапоги вылизывали? А ты в это время свою кобылу в зад целовал!

Мартын взревел диким голосом и, выхватив саблю, рванул на меня. Лево́й руко́й с широ́ким брасле́том я отбил его удар и сам нанес удар кле́вцом с право́й руко́й. Закаленное железо пробило шлем и голову, как бумагу. Острый конец кле́вца вылез посредине лица как длинный нос, рукоятка молота вырвалась у меня из рук, а Мартын вывалился из седла, и лошадь волокла его еще двадцать метров. Наступила полная тишина. Два перепуганных подпевалы молча смотрели, как я спешился и с усилием вырвал кле́вец из головы Мартына. Потом они резко повернулись и ускакали.

— Данила Прохорович, что же теперь будет? — в ужасе запричитал Антоха. — Их же двое видаков, да еще бояре, а нам веры никакой.

— Не бойсь, Антоха, ты-то здесь при чем? Ты слышал, как они нас поносили, а поносили они не просто кого-то, а нас, воеводского холопа и лекаря воеводы и архимандрита. Значит, они на власть царскую руку подняли, а еще на церковь, ведь кто архимандрита лечит и отца Павла — я лечу, а они, видно, захотели их извести, меня в тюрьму забрав. Так вот и ответствуй всем, кто тебя спрашивать будет, да скажи еще, что кричали, де, великий царь ошибся, не того воеводой назначил. Так что надо брать этих злоумышленников и в цепи сажать.

Антоха уставился на меня в изумлении:

— Недаром у нас слово ходит, что непростой вы человек, Данила Прохорович, днями лечите, все в молитвах и посте, бою оружному учитесь, как будто завтра в сражение идти, хмельного в рот почти не берете, по девкам гуляющим не ходите, никто вас не замечал. И сейчас все так разложили, что я сразу понял, что злоумышляют они против царя нашего Иоанна Васильевича. Так и говорить буду. А направил их на это сам боярин Ставр.

Когда мы приехали в кремль, воевода был тут как тут. Он подскочил ко мне, видимо желая хоть что-то узнать о произошедшем, но простодушный Антоха кинулся Поликарпу Кузьмичу в ноги и начал свою историю. С каждым Антохиным словом выражение воеводиного лица становилось все злораднее.

— Так что, Антошка, действительно они кричали, что наш царь Иван Васильевич ошибается и надо было другого воеводу назначать?

— Истинный крест, Поликарп Кузьмич, кричали, антихристы. И Данилу Прохоровича хотели извести, чтобы отец Павел и архимандрит от зубной болезни изошли.

Выражение лица нашего воеводы было такое, будто он кот, а перед ним огромная банка сметаны.

Он взял меня за плечо, отвел в сторону и спросил:

— Твоих рук дело?

Я, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Поликарп Кузьмич, я просто растолковал Антохе, что произошло, и все.

Тот хмыкнул:

— Ловко растолковал, теперь он и на допросе, и на дыбе одно будет говорить. Ну,

Данила, хоть и влез ты в историю, но с таким прибытком для меня выпутался, что не буду я тебя ругать, вот только между нами: Ставра у меня вряд ли хватит сил совсем скинуть. И сына он тебе не простит. Будешь теперь все время ждать или ножа в спину, или яда в вино. Так что придется тебе в скором времени уехать.

И вот я уже в который раз складывал свои скудные пожитки в мешок. В мою скромную комнатку зашел воевода.

— Ну гуляй, лекарь, согласился наконец отец твой на тебя посмотреть. Ох и долго он упирался, я же ему описал, и откуда тебя привезли, и про пятно родовое упомянул. «Нету, — говорит, — у меня такого сына и не было». Но, видно, сомнение его взяло, и начал он розыск свой проводить, у него ведь шесть лет назад пропал его полубовницы мальчик. Вроде гулять пошел, и нету. Ох и искали парнишку тогда. С горя сколько душ погубил, мстил, что не уберегли мальчонку. А сейчас вроде как выяснил: парня-то не убили, побоялись кровь пресечь, а где-то в лесах в люди отдали. Тут ему мои новости к месту пришились. Так что дам я тебе подорожную к твоему отцу предполагаемому, поедешь вроде как гонец мой, ну а там уж смотри. Но вот совсем не сомневаюсь, признает он тебя, как есть признает.

— Да, Поликарп Кузьмич, скажите хоть сейчас, кто же будет отец мой родимый?

Воевода уставился на меня в удивлении:

— А я что же, не говорил? Да это князь Дмитрий Иванович Хворостинин, мой друг давний, сколько мы с ним в походы переходили! В прошлом годе что-то гневался на него великий государь, но сейчас гроза миновала, можно тебе к нему ехать спокойно. Вот он мне поведал как-то, что был у него от девы любимой сынок, да сгубили вороги, а может, и дед подстроил. И про пятно родовое рассказывал, да еще у себя показал. Я тебе бумаги выправил, ты теперь человек посадский, и Антошку я тебе отдам. Пусть Ставр теперь вас поищет, а ваши-то сказки у меня давно записаны и видоками подтверждены.

И вот настал день отъезда. К моему удивлению, пришло много народа, некоторые женщины даже вытирали слезы. Я сходил в собор, попрощался с отцом Павлом, отдал в дар храму икону Божьей Матери. Отцом Павлом она давно была примечена. Растроганный батюшка надел мне на шею второй крестик.

— Один крестик у тебя крестильный, а этот, если будут трудности, покажешь ближайшему попу, и тебе обязательно помогут.

Антохина мать прощалась с сыном и на коленях просила меня быть осторожнее и сохранить ее кровинушку.

Воевода был необычно хмур, кивнув на рыдающую мать Антохи, сказал:

— Данила, вот когда будешь водить полки, помни, что у каждого твоего воя мать есть и каждая так же убиваться будет, так что давай передавай от меня поклон своему отцу и не забывай.

И вот мы снова в пути. Вроде и недалеко — всего-то в Москву. Но недалеко будет через четыреста сорок лет. А сейчас зима. Мы с Антохой прибились к купеческому обозу. Хорошо, купцы свои, из Торжка. Меня сразу в свою кампанию приняли и Данилой Прохоровичем величать стали. Сразу ведь просекли, прохиндеи: не зря я в Москву собрался. Про сынка-то Ставра, похоже, все слышали, хотя никто его не жалел, уж очень он паскудный был парень. Разговор, как обычно, сразу зашел о болезнях, и все начали приставать ко мне с просьбами вылечить какую-нибудь болячку. А один молодой купчик, Протас, поймал меня в лесу, куда я

забежал по нужде, и пристал как банный лист к заднице:

— Данила Прохорович, слушай, продай секрет водки, которой ты больных потчуешь, и они спать заваливаются. С этого дела можно большие деньги поиметь.

— Так, Протас, ты сам говоришь, что большие деньги, а зачем мне тебе в руки такое богатство отдавать?

— Так, Данила Прохорович, ты ведь человек родовитый, тебе не к лицу с таким делом возиться. А я заводик поставлю, всем лекарям буду продавать, и тебе от дохода копейка пойдет.

— Так откуда ты, Протас, взял, что родовитый я?

— Данила Прохорович, так ведь не слепые же вокруг. Ухватки у тебя больно приметные, как ни стараешься под простой люд встать, ничего не получается. Да и с чего это наш воевода Поликарп Кузьмич так к тебе отнесся, он мужик прижимистый, лишнюю копейку не упустит, а тут снарядил, как боярина. И вон клевец у тебя висит, а кто такие чеканы носит, полки водит.

И действительно, экипировал нас Поликарп Кузьмич знатно. При конях, окольчуженные, мы с Антохой совсем неплохо смотрелись среди вооруженной охраны купеческого обоза.

— Ну, Протас, это дело серьезное, так, с кондачка, не решишь.

На этом наш разговор закончился, но бутыль с эфиром я на всякий случай спрятал подальше. Обоз шел не спеша, возчики, обряженные в тулупы, вели вялые разговоры, а замерзшая охрана горячила коней, проверяла путь впереди и возвращалась назад. По пути нам несколько раз встречались печальные останки деревень. Купцы, проезжая мимо, крестились и угрюмо молчали. Только Антоха, увидев мое недоумевающее лицо, на ухо пояснил:

— Опричники постарались. Вот уж года три прошло, а народу тут нет.

Да уж, опричники постарались хорошо. В дальнейшем покинутые деревни периодически встречались на нашем пути.

Но вот потянуло дымком, где-то залаяли собаки, а потом вдруг пахнуло таким сладким запахом готовящейся еды, что в животе заурчало. Все сразу оживились, даже усталые лошади прибавили шаг. Вскоре мы выехали к большому селу. Когда подъехали к постоялому двору, колокол на высокой колокольне уже созывал на вечернюю молитву. Ворота на постоялом дворе были распахнуты настежь, снег внутри утоптан и смешан с конским навозом. Сейчас его выскребали два уставших мальчишки.

Заехав внутрь, мы спешили, я отдал лошадей конюху и кинул ему мелкую монетку, пообещав утром за старание дать еще. Купцы и их люди занялись своими грузами и прочими делами. Нас же с Антохой ничего не держало, и мы пошли внутрь, отогреться и поесть.

Когда зашли, нас обдало теплом, мы одновременно распахнули одежду, расстегнули ремни. Навстречу уже неся молодой парень, который усадил нас за стол и через минуту притащил бараний бок и горшок с квасом. Первые минуты я насыщался едой, не обращая внимания на окружающее, но, когда первый голод прошел, стал есть уже попрстойнее и разглядывать соседей. Их было немного, но мое внимание привлек сидевший напротив меня тип с орлиным носом и взглядом киллера из голливудского фильма, а два мужика, сидевшие рядом с ним, напоминали типичных бандитов. Они о чем-то тихо разговаривали. Но мое внимание отвлекли женские рыдания за стеной. Я спросил подавальщика, что произошло, и, может, чем-то надо помочь.

— Да чем вы, боярин, поможете, — ответил, махнув рукой, парень. — Лизка себе харю в сеннике серпом разрезала, даже нос напополам. Хорошо, глаза не выколола. Теперь в невестах будет вековать, хотя за такое наследство... — и он обвел рукой все окружающее, — может, женихи и найдутся.

Я расплатился и сказал ему:

— Передай хозяину, что я могу помочь его горю, только мне надо посмотреть девчонку.

Он выпучил на меня глаза и исчез. Через десять минут из-за занавески вышел кражистый здоровый мужик, подошел ко мне, оглядев меня с головы до ног, с подозрением спросил:

— Что же у тебя, боярин, за заботы такие — девкам лица исправлять?

— Да лекарь я, Данила Прохорович, слышал небось, это я архимандриту Мисаилу зуб драл.

Выражение лица у хозяина вмиг переменилось, он упал на колени и заголосил:

— Данила Прохорович! Отец родной, да мне вас Бог послал! Сделайте милость, посмотрите Лизку, пропадет ведь девка, единственная у меня осталась, всех Господь прибрал!

Когда я зашел на хозяйскую половину, увидел, что там собрались все домочадцы. На кровати полулежала девочка лет шестнадцати, рана на ее лице была закрыта тряпкой. Когда снял тряпку, невольно присвистнул. Огромная резаная рана шла наискосок через все лицо, начиналась под левым глазом, разрезала нос так, что его нижняя часть висела на верхней губе, и заканчивалась на правой щеке, разрезая ее, — были даже видны зубы верхней челюсти. Когда я обернулся, на коленях стояли уже все и заклинали меня помочь. Я вздохнул, приказал позвать Антоху и принести мою поклажу.

Через час все было готово к операции. В женской половине остались только мы с Антохой и хозяйка. Торжественно прочитав Символ Веры, я сказал:

— Антоха, давай.

На испуганное, изуродованное лицо девочки была наложена маска. Начался отсчет.

Я вытащил из спирта две иголки, сделанные златокузнецом, шелковые нити и приступил к работе. Не знаю, на что уж там натолкнулась Лиза, но это явно был не серп, края раны словно рассекли бритвой. Сшивать левую щеку, на которой был неглубокий порез, оказалось просто. Когда же я перешел к носу, стало сложнее, потому что ассистента у меня не имелось. Антоха, забрызганный кровью, вылетающей из разреза носа, занимался наркозом. Хозяйка, похоже, вообще находилась без сознания. А я, держа одной рукой кончик носа, аккуратно пришивал его к месту среза. На правой щеке сначала пришлось зашивать кетгутом слизистую и лишь затем саму кожу. Все это дело заняло около двух часов. Надышались мы эфира в тесной комнатенке по самое не хочу, так, что нас и лежа качало. В конце операции я протер семидесятиградусным спиртом шов, и лицо девочки приобрело почти нормальный вид.

Когда вышел из-за занавески, туда хотели рвануть все родственники, но я пустил только отца. Тот смотрел на почти невидимые стежки открыв рот.

— Немало слышал я о вас историй, рассказывали гости торговые, но не верил. А теперь знаю, что и десятой доли того, чем Господь в несравненной милости вас наградил, не говорили они.

Естественно, ужин был продолжен, благодарный хозяин кормил от пуза. Купцы,

сидевшие рядом и прослышавшие про лечение, рвались на хозяйскую половину, чтобы посмотреть на результат. Но их, конечно, никто туда не пускал. А Протас вновь стал приставать ко мне с предложением продать секрет дурман-водки, так молва окрестила эфир. Троицы, которая привлекла мое внимание, за столом уже не было, и я выкинул их из головы. Нас с Антохой оставили ночевать в хозяйском доме, в свободной пристройке. Я договорился с хозяином, что останусь еще на три дня, чтобы посмотреть, как будет идти заживление раны. Поэтому утром, когда старший обоза ходил вокруг возов, я подошел и объяснил ему, что остаюсь, на это тот безразлично кивнул, и я ушел в дом досыпать. Никто нас не будил, мы встали во второй половине дня и пошли искать поесть. На кухне нас встретили приветливо и навалили полные миски каши, которую мы начали уплетать, и вдруг на улице послышались крики и женский плач. Все выскочили во двор. Там стояли сани, запряженные лошадьми, на которых лежали двое мужчин. Третий с окровавленной головой стоял рядом и что-то рассказывал окружающим. В нем я узнал одного из купцов, еще сегодня утром разговаривавших со мной. Оказывается, купеческий обоз верстах в десяти ждала засада. Охрану расстреляли из нескольких пищалей, а затем из луков. Купцу удалось уйти, потому что он отстал от обоза — несколько раз бегал в кусты, как сказал, по великой надобности.

Поэтому, когда началась замятня, купец развернул сани и, подхватив двух бежавших к нему раненых, ушел от погони.

Увидев меня, он изменился в лице, подошел и тихо сказал:

— Вас они, Данила Прохорович, искали, слышал, как их главный орал: «Лекаря не упустите!»

Я автоматически осматривал раненых, делал перевязки (ничего сложного там не было), а в голове лихорадочно перебирал, кому я так перешел дорогу, что из-за меня положили целый обоз.

«Неужели это Ставр такой ненормальный? Ведь на него воевода в первую очередь теперь думать будет. Да нет, похоже, это кто-то другой. Но кто?»

Видимо, кто-то все-таки узнал о переговорах воеводы с Хворостининым и почему-то захотел из-за этого меня убрать. Но зачем? Ведь я ничего собой не представляю, ноль без палочки. Так ничего и не придумав, пошел смотреть Лизу. Девочка по-прежнему лежала на кровати. Лицо ее было слегка припухшим, а нос казался картофелиной, на которую с тревогой смотрела мать. Я успокоил женщину и сказал, что отек скоро начнет проходить. Признаков инфекции не было, и я, обработав операционный шов спиртом, вышел с женской половины.

Со слов толпившихся на улице зевак выяснил, что в Торжок уже выехал гонец со срочным донесением, и завтра ожидалось прибытие стрельцов. Местное ополчение готовилось завтра выступить вместе с ними, потому что короткий зимний день уже клонился к закату. Вечер на постоялом дворе был грустным, новых постояльцев не было, только два легко раненных набрались сил посидеть за столом вместе со спасшим их купцом. Мы с Антохой также тихонько поужинали и ушли спать. Антоха, как всегда, обнюхал все щели, закрыл дверь на крюк и припер ее чурбаком. Увидев мою ухмылку, он сказал:

— Береженого Бог бережет.

На следующий день мы проснулись рано, сна не было ни в одном глазу, да еще блохи совсем распоясались от тепла и злобно кусали. После легкого завтрака я посмотрел девочку,

отек на лице спадал, все было хорошо, и швы через пару дней можно было спокойно снять. Радостная мать не знала, что мне предложить и куда меня усадить.

Когда совсем рассвело, со стороны Торжка послышался конский топот, и в деревню на рысях влетело человек сорок конных воинов, к моему удивлению, возглавлял их сам воевода. Он спешился и подошел ко мне:

[Купить полную версию книги](#)

notes

Неглубокий, быстро проходящий наркоз для мелких, непродолжительных по времени оперативных вмешательств.